

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ АГИОГРАФИЯ КОНЦА XVIII в.

Раннее старообрядчество оставило нам три сочинения агиографического жанра: автобиографические “Жития” протопопа Аввакума и инок Епифания и “Житие боярыни Морозовой”, написанное ее родным братом Федором Соковниным¹. Эти памятники принадлежат к числу выдающихся произведений древнерусской литературы. Особенности авторского замысла, индивидуальность творческой манеры (прежде всего протопопа Аввакума), тесная связь с современностью привели к творческой переработке агиографического канона. В XVIII в. старообрядческая среда породила такое уникальное литературное явление, как выговская школа. Именно здесь были продолжены традиции древнерусской агиографии, причем писатели сознательно ставили перед собой задачу создания произведений, отвечающих всем требованиям канона². По этой причине они нашли нужным переработать жития Епифания, боярыни Морозовой, Варлаамия Керетского и даже написанное в начале XVIII в. старообрядцем Пахомием “Житие Корнилия Выговского”. На Выгу были созданы жития подвижников Кирилла Сунского (вместе с выговским “Житием” Епифания составившее единый цикл), Геннадия Боровского, Ивана Внифантьева, а также мучеников за старую веру, пострадавших в различных регионах России; мученики составили обширный сборник под названием “Виноград Российский”. Названные памятники по большей части введены в научный оборот³. Литературная школа Выга просуществовала почти полтора столетия; писатели второй половины XVIII — начала XIX в. продолжили традиции предшествующего периода. Количество написанных в это время житий было невелико, но им принадлежит особая роль не только в выговской словесности, но и в духовной жизни поморского общежития: героями поздних житий стали первые киновиархи пустыни Андрей и Семен Денисовы и Иван Филиппов, агиографические памятники явились отражением исторической памяти общечитателей и литературной формой почитания наставников.

“Жития” Андрея и Семена Денисовых не относятся к числу редких памятников выговской литературы: их списки (особенно это касается “Жития” Андрея Денисова) довольно часто встречаются в собраниях старообрядческой рукописной книжности. К этим сочине-

ниям не раз обращались исследователи. В.Г.Дружинин, давая характеристику выговской словесности, впервые высказал суждение, что "Житие" Андрея Денисова и, предположительно, Семена Денисова принадлежат перу Андрея Борисова⁴. В "Писаниях русских старообрядцев" Дружинин включил "Житие" Андрея Денисова в перечень сочинений Андрея Борисова (9 списков), "Житие" же Семена Денисова поместил без указания авторства⁵. В последнее время оба жития привлекались Н.С.Гурьяновой для иллюстрации принципов выговского исторического повествования⁶. Основные идеи "Жития" Андрея Денисова в контексте всего творчества Андрея Борисова были проанализированы Р.Крамми⁷.

Поздняя выговская литература почти не исследована, что относится и к двум крупнейшим памятникам этого периода — "Житиям" Андрея и Семена Денисовых: не до конца решена проблема авторства, время написания определяется весьма приблизительно, не выявлены источники этих сочинений и, следовательно, новые, дополнительные сведения, появившиеся в них. Решение этих вопросов представляется нам первоочередным.

То, что Андрей Борисов является автором "Жития" Андрея Денисова, не вызывает сомнения. Сохранилось адресованное ему письмо Василия Данилова Шапошникова, написанное 23 января 1769 г. из Боровского скита и сопровождающее посылку нескольких "статей" об Андрее Денисове, составленных отправителем по просьбе Андрея Борисова. Письмо заканчивается пожеланием: "Вашей же отеческой благодати да подаст (Господь Бог. — Е.Ю.) о житии премудраго отца доволную и правотою глагол сияющую повесть достигнути..." (Барс — 680, л. 4). Прямое указание на Андрея Борисова как на составителя "Жития" тезоименитого ему первого выговского наставника содержит также "Житие" Семена Денисова, в котором краткий рассказ о преставлении Андрея сопровождается следующей отсылкой: "Изволяй пространнее ведати да чтет Историю Иоанна Филиповича, вразнь написанную, и особосочиненную тезоименичеством оному почтенному" (Барс — 64, л. 40).

Несмотря на то, что письмо Василия Данилова относится к 1769 г. (в Барс — 680 оно сохранилось в копии конца XVIII в.), есть основания полагать, что "Житие" Андрея Денисова как единое произведение было создано гораздо позже.

С 1777 по 1790 год было написано, как удалось установить, пять слов, посвященных Андрею Денисову. Обращает на себя внимание, что в четырех из них, относящихся к 1777–1787 гг., нет никаких упоминаний или намеков на существование агнографического памятника, хотя в одном произведении, казалось бы, для этого имелся непосредственный повод. В слове 1780 г. (на текст: "Камо отиде брат твой, добрая в женах...") упоминается о чуде, происшедшем с Андреем Денисовым, когда он услышал обращенный к нему глас от

образа Богоматери. На полях указаны источники этого сообщения: “В слове надгробном Симеона Денис[ьевича] и в Истории бол[шой] Иоанна Филипова” (РНБ. Q.I.1083. Л. 63 об.). Назвав оба (а не один) из имевшихся к тому времени источника, в которые только и вошел упомянутый эпизод, автор слова не упомянул “Житие”, также включавшее данный эпизод (Барс — 156, л. 76 об. — 78 об.). Еще более определенное свидетельство того, что до 1787 г. “Житие” еще не было закончено, находим в “Слове на память блаженного отца и учителя нашего Андреа Дионисиевича”, написанном на 57-ю годовщину его смерти (РНБ. Q.I.1083. Л. 60 об.). Неизвестный автор этого слова, сетуя на то, что он, “слабый и безсловесный”, недостойн столь высокой темы, как воспоминание о первооснователе Выга, говорит: “Но что аз привнесу к слышанию честнейшим вашим ушесем, все ли от вас внесенныя в мои ушеса благия о приснопамятнем отце похвалы и любомудрыя повести? — Никакоже. Постигнет мя целое лето, оное деюща, и невместима есть на оныя вси похвалы от малая сия хартия, но разве толико их сочетать, елико здесь имеется слов, кое все соделовати имать не едину книгу. Сие же все множество может по благословению Божию по многим временам от многих любящих боголюбиваго учителя и учение его многим учащимся и явится” (РНБ. Q.I.1083. Л. 58 — 58 об.). Из приведенного отрывка совершенно очевидно, что в 1787 г. такой “книги” (а “Житие” Андрея Денисова, довольно большое по объему, в рукописной традиции существовало в виде отдельного кодекса) не было. Но все-таки, как можно полагать, она была уже близка к завершению.

В “Писания русских старообрядцев” Дружинина вошло (без указания на автора и время создания) “Слово на память премудраго отца нашего киновиарха Андреа Дионисьевича”⁸. Историю создания этого слова проясняет черновой его список (Дружининым он указан как рядовой), содержащий авторскую правку Андрея Борисова (РНБ. Q.I.1083. Л. 41–56; на л. 9–25 помещена копия окончательного варианта текста)⁹. Характер этой правки со всей очевидностью указывает на время написания слова — “в настоящее сие пребедственное наше пожарное время” (РНБ. Q.I.1083. Л. 50, вставка сделана рукою Андрея Борисова), т.е. после страшных пожаров, случившихся в обоих общежитствах в июне — июле 1787 г. (ВЛ, с. 801). Скорее всего, Андрей Борисов начал работать над словом еще до пожаров (основной текст не содержит никаких намеков на актуальность “пожарной” темы), окончательная правка вносилась либо летом 1787 г. (ко дню памяти старшего Денисова 19 августа), либо несколько позже, но вряд ли позднее 1788 г.¹⁰.

Рассматриваемое слово важно для нас по целому ряду причин. В отличие от других слов на память Андрея Денисова, написанных в конце 70-х–80-е гг. XVIII в., слово Андрея Борисова содержит

значительное количество биографического материала, которым автор владеет совершенно свободно. При этом объем вошедших в слово биографических сведений совершенно определенно соотносится с "Житием" Андрея Денисова: все упоминаемые в слове конкретные факты изложены и в "Житии" (случай с Андреем Денисовым на плоту, чудесный голос от образа Богородицы, нападение на выговского киновиарха в Каргополе, переписка его с государыней Прасковьей Федоровной и Феофаном Прокоповичем). Более того, повествование о происшествии на плоту совпадает в обоих памятниках дословно. Источником этого рассказа послужило слово Семена Денисова на 40-й день по смерти Андрея Денисова, в котором данный случай приведен в подтверждение храбрости и мужества выговского киновиарха: "Послушествует ми дивне дивное оно ежжение на озере в сосуде утлем, да не реку полом. Плот бо быше подлежащее, на нем же отец с прочими по оному озеру четыре поприща пловяху, и, понеже посреде быша, ветер подвижеся, волны плот покрываху, стоящии на плоту в воде по глезу стояще, вси ужасни, вси, трепетом объяти, дрожаху, смерть пред очима имуще. Но что великодушная она душа и премужественное отца сердце толико веледушнем, толико храбростию препоясая, елико и прочия от малодушия избавль, в мужество приведе. Словесы веледушия и благодатныя сладости преисполнени и яко в корабли велицем пловуще, а не на плоту, яко в раи нищи стояще, радостию о Христе и о своем отце содержими бяху, дондеже в пристанище доплыша" (Ег — 682, л. 27 об.).

Андрей Борисов, опираясь на слово Семена Денисова, этот эпизод рассказал, тем не менее, по-своему. Подробности, подчеркивающие ужас, объявивший всех находившихся на плоту, заменены другими: описанием мужества Андрея Денисова и изложением его поучения, оказавшего решающее влияние на поведение его спутников, а также указанием на реальную причину спасения — сильным ветром плот был отнесен к берегу. Эта версия рассказа вошла как в "Слово на память... Андрея Дионисьевича", так и в его "Житие":

"Житие" Андрея Денисова

Еда се не мужество, когда для нужд братских со многим народом чрез езеро на плоту пловяше и среди онаго превеликая буря воздвижеся, конец же еще вьдшее трех верст быше, а уже вода покры много и все подлежащее древо, ветром же срываше стоящих во глубину езера, да еще и сами от малодушия вси про-

"Слово на память Андрея Дионисьевича"

Еда се не мужество, когда для нужд братских со многим народом чрез езеро на плоту пловяше и среди онаго превеликая буря воздвижеся, конец же еще вьдшее трех верст быше, а уже вода покры много и все подлежащее древо, ветром же срываше стоящих во глубину езера, да еще и сами от малодушия вси прочии зело воскодебашася и хотяху

чии зельно восколебашася и хотяху плот сим опровергнути, ибо случай учинися пристрашный, являющий всем смерть. Но мужественный Андрей, премужественно колебание глаголом уст своих в них останови и повеле друг о друга твердо держатися и молитву творити. Сам же, аки на кафедре, глубоко на посту в воде стояше в великом воздушном оном обуревании и прочих мужеству и терпению учаше и на Богу всю надежду имети заведываше. Люди же чюства свои обратиша вси на его вид и поучение. И тако позабыша все страхование обстоящее, словесы веледущия и благодатныя сладости быша преисполнени и, яко в корабли велицем плывуще, а не на плоте, яко в раи пищи стояще, радостию о Христе и о своем отце содержиши бяху, ветром сильно пореваеми ко берегу, спасошася от потопления и в пристанище доплыша (Барс — 156, л. 106—106 об.).

плот сим опровергнути, ибо случай учинися пристрашный, являющий всем смерть. Но мужественный Андрей, премужественно колебание глаголом уст своих в них останови и повеле друг о друга твердо держатися и молитву творити. Сам же, аки на кафедре, глубоко на мосту в воде стояше в великом воздушном оном обуревании и прочих мужеству и терпению учаше и на Богу всю надежду имети заведываше. Люди же чюства свои обратиша вси на его вид и поучение и тако позабыша все страхование обстоящее, дондеже ветр сильно уже почти истопающих принесе их ко берегу, и спасошася от потопления (РНБ. Q.I.1083. Л. 48—48 об.).

Фрагменты двух сочинений совпадают почти дословно, исключение составляет концовка: в «Житии» сохраняется фраза, заимствованная из источника (слова Семена Денисова), в «Слове на память... Андрея Дионисиевича» она опущена, но только здесь говорится, что к тому моменту, когда выговцев прибило к берегу, судно почти совсем погрузилось в волны. Логично предположить, что оба приведенных отрывка восходят к общему источнику — подготовительным материалам к «Житию». Проявившееся в «Слове на память» свободное владение биографическим материалом об Андрее Денисове, повтор ряда сведений и дословное совпадение целого фрагмента указывают на то, что написание слова Андреем Борисовым совпало с завершением его работы над «Житием» (напомним, что автор другого воспоминательного слова, относящегося к тому же 1787 г., еще не знает о существовании «Жития» Андрея Денисова). Таким образом, создание Андреем Борисовым «Жития», чему предшествовал длительный период подготовительной работы, должно отнести к периоду 1787—1790 гг. (Андрей Борисов умер 19 февраля 1791 г.).

Эту датировку подтверждают и ранние списки "Жития". В сборник, включивший целый ряд рабочих материалов Андрея Борисова, в том числе черновой список "Слова на память... Андрея Дионисьеви́ча", вошли переписанные лексинской писицей несколько отдельных глав "Жития": "О хождении премудраго Андреа Дионисьеви́ча в Москве...", "О видении Матфея Е[пифанови]ча...", "О нашедшем гладе...", фрагмент главы "О видении отеческаго служителя..." (РНБ. Q.I.1083. Л. 34–40 об., 67–69), а также два чуда Андреа Денисова (РНБ. Q.I.1083. Л. 77–82 об.), тексты которых равно могли быть главами "Жития" и главами "Истории Выговской пустыни" (об этом см. ниже). В текст двух первых (из названных) глав внесено три исправления, по-видимому, сотрудницей Андрея Борисова, но не им самим (РНБ. Q.I.1083. Л. 34, 67), главы уже имели порядковые номера: на полях напротив главы "О хождении премудраго Андреа Дионисьеви́ча в Москве..." было помечено "Глава 17" (РНБ. Q.I.1083. Л. 34)¹¹. Кодикологические наблюдения показывают, что самые ранние списки "Жития" не могли быть выполнены ранее 1787–1788 гг.¹²

Следы тщательной работы автора с агиографическим текстом нашли отражение в рукописной традиции памятника. Уже на последнем этапе работы (главным образом по тексту 5-й главы, повествующей о начале Выговского общежительства) было сделано несколько уточнений, касавшихся времени прихода в общежительство и дат смерти тех или иных лиц¹³, топографических подробностей¹⁴ и других выговских реалий¹⁵, указания на источники цитат из Священного писания. Эти дополнительные сведения были внесены на полях и так сохранились почти во всех списках. Одна вставка, более пространный по объему, была, видимо, сделана на вклейке (в таком виде ее сохранил список Друж — 659, вклейка на л. 30). В рассказе о первой Палеостровской "гари" говорилось об отце Игнатии, что "его же с скончавшимися ревнительными некто добродетельный муж села великаго Шунги веси Пайницкой на небо идуща со крестом виде" (Друж — 659, л. 30). Этот эпизод описан в "Истории Выговской пустыни", и сначала Андрей Борисов не собирался останавливаться на нем подробно, но затем, передумав, дополнил свой текст цитатой из сочинения Ивана Филиппова (Ср.: ИВП, с. 43–44), предварив ее пометой "Пространнее"¹⁶.

Два ранних списка "Жития" открываются виршами: "На премудраго выгопустыннаго общежительнаго киновиарха отца Андреа помически сочинено кир Феодором" и "На премудраго отца настоятеля Симеона стихотворчески сложено" (Друж — 659, л. 5 об.; Барс — 156, л. 3 об.). Авторство их, видимо, также принадлежит Андрею Борисову, в старообрядческом крещении носившему имя Феодор¹⁷.

Нет ничего удивительного, что именно Андрей Борисов обратился к созданию "Жития" Андрея Денисова. Он был не просто соименник первого выговского киновиарха, они носили имена в честь одного и того же святого — великомученика Андрея Стратилата, дни их тезоименитства совпадали. В годы настоятельства Андрея Борисова день 19 августа был как бы тройным торжеством: праздник Андрея Стратилата совпадал с днем памяти Андрея Денисова и днем тезоименитства Андрея Борисова. Жители Чаженгского скита приветствовали своего наставника-именинника: "Здравствуй, великомученику Андрею тезоименитый и нашему всепревозлюбленному киновиарху (т.е. Андрею Денисову.— Е.Ю.) соименный. Сих бо днесь сочехом память и, прилично оную совершивше, трегубную дня сего пресветлость приобретаем и торжества нашего преблистающее качество преумножаем" (Барс — 415.3, л. 1 об. — 2). И в последние именины Андрея Борисова, 19 августа 1790 г., инок Иона "с прочими" обращался к виновнику торжества: "Здравствуй, мученику Андрею тезоименитый и древлебывшему киновиарху соименный и в знаменовании мужества преобогатаясь совершенством" (Барс — 388, л. 202 об. — 203). Надо полагать, что такое совпадение имело для выговцев особый смысл и придавало в их глазах всей деятельности Андрея Борисова авторитет преемственности и традиции.

Одним из центральных моментов возрождения духовной жизни Выга при третьем поколении наставников было, без сомнения, почитание Андрея Денисова, первого выговского киновиарха и устроителя общежития. Не случайно в сознании позднего Выга Андрей Денисов вновь, как и в сочинениях 30-х гг. XVIII в., упорядобляется пророку Моисею, выведшему евреев из плена египетского и давшему им Скрижали Завета. Тимофей Андреев в слове на память Андрея Денисова 1780 г. восклицал, обращаясь к слушателям: "Где второй преизящный Моисей, изведый вас от горького мучительства фараоня еретического душевредия" (Барс — 616.1, л. 75). В непреходящую заслугу Андрею Денисову ставилось написание "Поморских ответов". Первый выговский киновиарх, пишет автор слова 1777 г., "аки второй он великий Моисей, аще и не от Синайския горы, но от самого почти неба, из гор великих святых учителей Священнаго писания снес нам вразумляющая повсегда святому древлецерковному благочестию благочестивыя ответственные скрижали" (Барс — 675, л. 300). В слове 1780 г. заслуги Андрея Денисова перед всем старообрядчеством связывались также прежде всего с "Поморскими ответами", "ибо, яко второй Моисей, в последнее сие время или предъявленный во Апокалипсисе тайнозрителем ангел, толь спасительное всем написание остави, яко и поныне никтоже возможе умалит чести доброты того" (РНБ. Q.I.1083. Л. 63 об.). Уподоблял первооснователя Выга Моисею и Андрей Борисов в слове на день

его памяти (РНБ. Q.I.1083. Л. 43). В этом же сочинении нашла отражение и другая идея, бытовавшая в 80-е гг. XVIII в.: Андрей Денисов олицетворяет собой историю и славу всего Выга, духовную высоту внутренней жизни пустыни (РНБ. Q.I.1083. Л. 43 об.). В предисловии к "Житию" Андрея Денисова его автор также пишет: "Толь не можно и блаженной его памяти у любителей оных угаснути, обаче она имеется и пребудет" (Барс — 156, л. 5 об.).

Таким образом, завершая работу над агнографическим сочинением об Андрее Денисове, настоятель отвечал насущной потребности духовной жизни пустыни. Конец 80-х гг. XVIII в. был для Выга крайне тяжелым: за пожарами последовали другие бедствия — наводнение и сильные дожди сгноили заготовленное сено и хлеб, буря потопила выговское промысловое судно, начались всевозможные притеснения со стороны властей. В это трудное время, когда умножилось число клеветников и "лжебратий", для общежителей было чрезвычайно важно вновь обратиться к такому высокому примеру, который являл собой Андрей Денисов, на долю которого также выпало много трудностей (доносы на общежительство, раздоры с федосеевцами, пожар на Лексе 1727 г. и другие). Как истинный пастырь, Андрей Борисов почувствовал необходимость поддержать общежителей и ответил на нее¹⁸. Дидактическая цель прямо высказана в начальных фразах сочинения: "Вина же есть сидеваго натрижнення, яко преславных мужей воспоминание, паче же добродетельное житие, воспоминающим немалую плодоносит ползу, вкупе же и всякаго благорачительствующаго воздвизает к таковому же добродетельному житию и благопохвальному подвигу" (Барс — 156, л. 4 об.).

"Житие" Андрея Денисова, состоящее из предисловия и 30 глав, написано в полном соответствии с агнографическими канонами. Как и положено для жития подвижника¹⁹, повествование начинается с рассказа о его отечестве и родителях, рождении и воспитании, главная часть посвящена его деяниям и добродетелям, за описанием кончины следует изложение чудес и видений. Это сочинение, подобно "Житию" Семена Денисова²⁰, можно рассматривать и как реализацию схемы исторического повествования, рекомендуемую учебниками риторики. Однако для характеристики литературного процесса на Выгу и исторической памяти выговских насельников нам представляется необходимым выявить источники, которыми воспользовался его автор.

В предисловии Андрей Борисов отмечает, что память о первом киновиархе продолжает сохраняться и по-прежнему бытуют письменные памятники, о нем повествующие: "Толь не можно и блаженной его памяти у любителей оных угаснути, обаче она имеется и пребудет, точию краткая, а пространнейшей с совершенным описанием всего его благочестиваго жития еще ни от кого не видится. Токмо чрез части некия, описанныя во Истории Выговския пустыни пи-

сателя Иоанна Филиповича, видится и чрез похвальные и надгробные сочиненные ему от разных авторов слова познавается. Аще и от сих могут любители блаженных его жизни наслаждаться оными о нем похвальными повестями, но точию же не весьма достаточне” (Барс — 156, л. 5 об. — 6). Выговский агнограф, который сам не мог быть свидетелем жизни своего героя, указывает источники своего труда: “...понудихся в вышесилное сие вступити дело, ибо хотящее быти о нем повествование наиболее от слышания жителствовавших с ним и слышавших его учение богобоязненных мужей происходит. Ничто же убо сам от сего видеьше, но от списавших таковая, яко цветы, собравш, от их ми повествовании про его душевныя и телесныя свойства и благий целомудренный нрав сие творится. Еще же и от Истории Иоанна Филиповича и от похвалных и надгробных ему слов заимствуется” (Барс — 156, л. 7–7 об.). Андрей Борисов, приезжавший на Выг еще в 1754 г., а с 1756 г. сюда переселившийся, застал в живых всех наставников второго поколения, прямых учеников Андрея Денисова — Мануила Петрова, Трифона Петрова, Даниила Матвеева (Ег — 1168, л. 341 об.), более того, целый год он жил “в повиновении и учении духовнаго и внешнего наказания” у Мануила Петрова (Ег — 1168, л. 342 об.). В это время были еще живы многие свидетели трудов первых киновиархов; без сомнения, новый пустынножитель, пришедший к старообрядчеству путем долгих размышлений и внутренней работы, с интересом слушал их рассказы.

По отношению к источникам главы “Жития” можно разделить на несколько групп: во-первых, использующие только письменные источники, которые пространно цитируются или в некоторых случаях излагаются сокращенно, во-вторых, пересказывающие письменные источники с некоторыми фактическими добавлениями и, наконец, основанные только на устных известиях.

К первой группе относятся двенадцать глав: из них восемь являются всего лишь обширным цитированием “Истории Выговской пустыни” Ивана Филиппова: 4-я “О отце Данииле, како прииде в Выговскую пустыню от моря, и о зачале малаго общежителства” (Ср.: ИВП, с. 27–32), 10-я “О строении Лексинской обители” (Ср.: ИВП, с. 134–139), 12-я “О тцании Андрея Дионисиевича” (Ср.: ИВП, с. 139–144), 18-я “О посланном из Синода учителе иеромонахе Неофите и о разглагольствии с ним выговских пустынножителей о вере” (Ср.: ИВП, с. 169–188), 24-я “О видении некия жены, еже виде во время преставления Андреова” (Ср.: ИВП, с. 217–219), 25-я “Еще хошу поведати... о преставльшемся отце Андреи” (Ср.: ИВП, с. 221–225), 26-я “И другое содеяся чюдо тем же преставльшимся отцем Андреем” (Ср.: ИВП, с. 225–239), 28-я “О видении некия девицы еклесиарха Петра после преставления его” (видение Вассы Угарковой) (Ср.: ИВП, с. 160–165). Че-

тыре главы представляют собой пересказ нескольких письменных источников: 1-я "О отечестве и родителях блаженного Андрея" (открывающая главу похвала России восходит к предисловию к "Винограду Российскому", а генеалогический фрагмент — к надгробному слову Петру Прокопьеву, на которое ссылается сам автор: "Сие сам он блаженный Андрей Дионисиевич в надгробном слове сроднику своему еклисиарху Петру описует" — Барс — 156, л. 11 об. — 12), 5-я "О звании Данилове премудраго Андрея во общее житие", 21-я "О пожаре монастырьском на Лексе" и 22-я "О зачати и о строении новаго монастыря весма вкратце".

5-я глава о начале Выговского общежития искусно составлена Андреем Борисовым из трех источников. Обширные цитаты из "Истории Выговской пустыни" (Барс — 156, л. 32–37, 46 об. — 60 об. Ср.: ИВП, с. 83–86, 106–109, 87–95) сочетаются с пересказом отдельных ее фрагментов и дополняются заимствованием из двух слов на 40-й день по кончине Андрея Денисова. Из слова Семена Денисова добавляется эпизод борьбы Андрея Денисова с бесами (в источнике данный рассказ включен в перечисление подвигов первого киновиярха, но в "Истории Выговской пустыни" о борьбе с бесами говорится только в связи с голодными 1705–1712 гг., чему в "Житии" посвящается отдельная, 9-я глава):

"Слово" Семена Денисова

"Житие" Андрея Денисова

Оставляю преславнаго подвига всехрабръственую на бесы оную храбрость и дивную победу, в случай бесовскаго всеяроства движения бывшую, ими же толико множество от братства мучено бываше, елико страх вся и трепет одержаше, им же предобрь подвижник толь всехрабро подвижесе, толь премужественно сопротив ста, яко и молитвами общими вкупе с блаженныя памяти еклисиархом, вкупе со всем братством ополчися. И сим одоле благодатию щедрот божних, заступлением пресвятыя Богородицы, яже и гласом от своего образа своего добраго подвижника утвержда, дерзати устраяше, яко и волки от стада всехрабро отгна и стадо в тишине благодатнаго покоя пребывати паки утверди (Ег — 682, л. 22 об. — 23).

...и дивную победу в случай бесовскаго всеяроства движения *сотвори*, ими же толико множество от братства мучено бываше, елико страх вся и трепет одержаше, им же предобрь подвижник толь всехрабро подвижесе, толь премужественно сопротив ста, яко и молитвами общими вкупе с блаженныя памяти *прекромким Даниилом* и еклисиархом *Петром*, вкупе со всем братством ополчися. И сим одоле благодатию щедрот божних, заступлением пресвятыя *Владычицы*, яже и гласом от своего образа своего добраго подвижника утвержда, дерзати устраяше. *И тако одоле*, яко и волки от стада всехрабро отгна и стадо в тишине благодатнаго покоя пребывати паки утверди (Барс — 156, л. 44 об. — 45. Здесь и далее в примерах курсив наш.— Е.Ю.).

Дальнейший рассказ Андрея Борисова о подвижнической жизни своего героя соткан из различных фрагментов слова Ивана Филиппова на 40-й день по кончине Андрея Денисова:

Слово" Ивана Филиппова

Ельма не неизвестно вам, о богорадни насельницы, каков был отец наш, и именем, и вещью прямого мужества преисполненная душа, еще и в самом юностном цвете мужеумный смысл показа; око недремлющее всепустыннаго осмотрительства яви, силу неодолеаемаго храборства церковнаго вообразь предложу. Егда позываху случаи веледушно поступати ему, тако ступая, творяше, аки отдавна тое деяше, тако ревнуя, яко от многих лет тая творити его мнети. Гладныя нужды, аки лютыя стрелы, бедство творяху ему (Ег — 1311, л. 64—64 об.)

И когда уже наполнися пустыня жителями, богоревнители, аки водами покрыся некими, и толикия великия тягости и неудобносна попечения вся опрошася хранине Андреова великосилия, той же, яко многомоушный Атлант, вся со удобством подъемляше (Ег — 1311, л. 65—65 об.).

Житие" Андрея Денисова

Слышите, возлюбленнии, каков бяхе отец наш премудрый Андрей, и именем, и вещью прямого мужества преисполненная душа, еще и в самом юностном цвете мужеумный смысл показа. И когда уже наполнися и наполняшеся пустыня жителями-богоревнители, аки водами покрыся некими, и толикия великия тягости и неудобносна попечения вся опрошася хранине Андреова великосилия, той же, яко многомоушный Атлант, вся со удобством подъемляше. Егда позываху случаи искушений веледушно поступати ему, тако ступая, творяше, аки отдавна тое деяше. Гладныя нужды, аки лютыя стрелы, бедство творяху ему (Барс — 156, л. 45—45 об.).

За вышеприведенной фразой в "Житии" следует фрагмент, дословно заимствованный из слова Семена Денисова, также рассказывающего о "гладных нуждах", но не Андрея только, а всех пустынножителей (при этом очевидна некоторая недоработанность текста у Андрея Борисова): "Иже толь благодарственно оное глада искушение толь всерадостно понесе (у Семена Денисова: "ношаху" — Е.Ю.), яко худую оныя сламы пищу, аки пресладкия пшеницы брашно, всерадостно ядыху и не время краткое сею или единоголетное питахуся, но болше десятилетнего обхожденья всежелателно благопретерпеваху, великодушным и предобрым пастырем веледушно подтверждаеми" (Барс — 156, л. 45 об. — 46. Ср.: Ег — 682, л. 28—28 об.).

21-я глава "Жития" в изложении фактов также не содержит в себе ничего нового. Выговский агиограф опирается целиком на текст "Истории Выговской пустыни" (Барс — 156, л. 134—136. Ср.: ИВП, с. 191—195), сочетая цитирование с пересказом, сосредоточивая свое внимание лишь на основных событиях и фактах и оставляя

за рамками своего повествования многие подробности и рассуждения о справедливости Божьего гнева. Хорошо проработав письменные источники, Андрей Борисов к этому пересказу присоединяет и небольшой отрывок из слова Семена Денисова, где тоже упоминается о пожаре на Лексе. В данном случае "шов" еще более заметен:

"Слово" Семена Денисова

Свидетельствует ми <...> многопечальный случай <...> палежа скотского двора, в нем же во всеконечном малодушии вси всерыдательно унываху, напастию окружены. Что убо тезоименный мужества отец? Егда веледушно не возрабрствова, еда от малодушия прочих не возстави, еда унывающих не утеши, еда всеблагодарственно понести искушения не научи? Ей, научи: благодарный глас Иовов благодарно глаголати: "Господь даде, Господь и взят" и прочая. Иов, глава 1 (Ег — 682, л. 28 об. — 29).

"Житие" Андрея Денисова

Тем же вся здания <...> без останка всеснедно попали, тако, яко ничесому на том месте останися. В нем же во всеконечном малодушии быша вси всерыдательно унываху, напастию окружены. Что убо тезоименный мужества отец? Еда веледушно не возрабрствова, еда от малодушия прочих не возстави, еда унывающих не утеши, еда всеблагодарственно понести искушения не научи? Ей, научи: благодарный глас Иовов благодарно глаголати: "Господь даде, Господь и взят" и прочая. Иов, глава 1 (Барс — 156, л. 135 об. — 136).

22-я глава построена на тех же самых источниках: пересказ основного хода событий из "Истории" Ивана Филиппова (Барс — 156, л. 136—142 об. Ср.: ИВП, с. 201—209) дополняется цитированием всех фрагментов, в которых прославляется Андрей Денисов; затем следует отрывок из воспоминательного слова Семена Денисова (Барс — 156, л. 142 об. — 146 об. Ср.: Ег — 682, л. 17 об. — 22), при этом очевидно несоблюдение хронологической последовательности рассказа, поскольку, вслед за вторым источником, автор "Жития" вновь обращается к эпизодам, которые уже были им подробно изложены в предшествующих главах (18—20) — подлогам Питирима Нижегородского, "Поморским ответам", защите "старой веры".

Вторая группа глав "Жития" Андрея Денисова — их шесть — сочетает использование письменных источников с добавлениями новых фактических сведений, почерпнутых из устных рассказов. Таковы главы: 2-я "О рождении и воспитании" Андрея Денисова, 3-я "О разсуждении Андрея Дионисиевича плотского миролюбного жития <...> и о шествовании в пустыню", 9-я "О нашедшем гладе", 13-я "О терпении в досаждениях, о воздержании и о мужестве и о взыскании внешнего любомудрия", 14-я "О шествии к первопрестольному граду Киеву", 23-я "Сказание <...> о скончании".

Рассказ о юных годах Андрея Денисова и уходе его в пустынь основывается на двух источниках: воспоминательном слове Семена Денисова (Барс — 156, л. 13 об. — 14. Ср.: Ег. 682, л. 14 об. —

15) и "Истории Выговской пустыни" (Барс — 156, л. 17–23 об., 25–26 об. Ср.: ИВП, с. 78–83, 98–99). В дополнение к этим сведениям Андрей Борисов указывает на особую роль черного дьякона Игнатия в судьбе семьи Дионисия Евстафьева: соловецкий выходец крестил его старшего сына Андрея, а затем самого главу семейства (Барс — 156, л. 14). В пять лет Андрей "у родителей своих извыче до конца книги читати и писати", а в 10 лет "стрый его Ияков таможенное службы его дело поручи ему исправляти" (Барс — 156, л. 14 об.); в 18 лет родители хотели женить Андрея, но он отказался и ушел в пустынь (Барс — 156, л. 28). Трудно сказать, имели ли эти факты место в действительности (до Андрея Борисова они могли дойти уже только в форме легендарных преданий), или были данью агнографическому канону. Более детально, нежели в "Истории" Ивана Филиппова, говорится в "Житии" о голоде 1705–1712 гг. Выговцам пришлось питаться не только соломенными хлебами (ИВП, с. 109), но и корой: "...насеянные нивы жестокими морозами до конца побило, и того ради солому и траву и сосновую и березовую кору сушаще, толчаху и месяще на самом житком ржаном растворе" (Барс — 156, л. 68). Тяжелые испытания вынудили многих покинуть монастырь, и даже "весма благочестивых мужей", таких, как Михаил Иванович Вышатин (Барс — 156, л. 68 об. — 69). Андрей Борисов рассказывает о предсказании Андрея Денисова наряднику Луке Федорову о том, что "вскоре хлебная у нас в братстве нужда престанет", в поручительство киновиархом был дан образ Богородицы (Барс — 156, л. 70–71). В повествовании о нашествии бесов на общежителей возникает любопытная деталь: они являлись в образе "сродников" (Барс — 156, л. 72 об.). По всей видимости, события "голодных годов" глубоко запечатлелись в сознании выговцев, Андрей Борисов мог слышать эти рассказы в конце 50-х — в 60-е гг. XVIII в. еще от многих, включая учеников Андрея Денисова.

Чрезвычайно интересна 13-я глава "О терпении в досаждениях, о воздержании и о мужестве и о взыскании внешнего любомудрия". Именно в этой главе следовало бы ожидать широкого использования надгробных слов: предметом повествования Андрея Борисова являются как раз те добродетели первого выговского киновиарха, характеристики которых преобладают в посвященных ему надгробных словах. Однако в обрисовке духовного облика Андрея Денисова выговский агнограф совершенно самостоятелен, лишь в конце главы он помещает фрагменты, заимствованные из воспоминательного слова Семена Денисова и рассказывающие о добродетелях Андрея, за которые он пользовался любовью отцов-основателей Выговской пустыни: о его бесстрастии, целомудрии, великодушии и мужестве (Барс — 156, л. 103 об. — 105 об. Ср.: Ег — 682, л. 25–27 об.). Из вошедших в текст Семена Денисова описаний конкрет-

ных фактов, подтверждающих мужество его старшего брата, Андрей Борисов берет лишь два: случай на плоту (он был проанализирован выше) и отстройка Лексинской обители после пожара (Барс — 156, л. 106 об. — 107. Ср.: Ег — 682, л. 28 об. — 29).

Сам Андрей Борисов подробно описывает следующие качества киновиярха: терпение, рассудительность, воздержание, мужество и постоянство. Эта часть главы (гораздо большая по объему) основана на устных источниках, которые могли сообщить автору и Мануил Петров, и Даниил Матвеев, и Василий Данилов. "Верховной добродетелью" Андрея Денисова агиограф считает "разсуждение" и отсутствие высокомерия: "Не имея же отнюд в себе вышемернаго о себе мнения, аще и весма бысть премудр, достаточен и справедлив во всех разсуждениях, но всегда мнения своя во общебратских делах прочим предъявляше. Аще же когда бываше в соборном разсуждении какое дело, то толико во оном истину изобретааше и при том и братию требованием от всех совета всемирно утешааше, яко и до самых последних и подлых вопрошениями дохождааше и от них разсуждения воспринимати не стыдяшеся" (Барс — 156, л. 97 об.). "Прекраснейшей из добродетелей" названо воздержание: "Всегда бо во всем и везде сие при себе имейше: в пустыни и в градах и во многом повсюду странствовании своем, аще в пищи и питии, аще в словесех и молчании, аще в хождении и седении, аще во бдении и спании" (Барс — 156, л. 98—98 об.). Агиограф сообщает читателям интересные, живые подробности, например, о том, что Андрей Денисов "не точию в пищи и одежде воздержание и мерность храняше, но и в наказательстве поучительном попремногу оное наблюдаше, ибо толь благоискусно и мерно оное произвождаше, яко слушателей никогдаже во отягощение и уныние привождаше" (Барс — 156, л. 99). Или другой пример, свидетельствующий также о предельной внимательности к братии: "Аще зряше на трапезе братию утружденных общебратскими трудами, тогда и сам даже до последнего с ними трапезования показовашеся всем охотно ядущим, да, зряще на него, трудники удовлетят пищею свою потребу и не имут послежде вины в греховном тайноядении" (Барс — 156, л. 100). Подробно останавливается Андрей Борисов и на воздержании первого киновиярха в одежде: "Такожде и одежды ношаше по церковному уставу по времени и месту: в простыя дни простыя крашенинные и пониточныя, иногда же и сии уже многоплаченныя, когда в работе со братиею труждашеся. Егда же господский великий праздник бываше, тогда в церковное собрание на словословие Божие в лучшей одежде прихождаше. Аще качеством и дражайше несколько простых материй, но точию присно цвет черный содержаше, якоже и у всей братии, и во всем последоваше отцем пустынным. Цапства же излишняго во всяких вещех зело не любляше и яко во одеждных покровех, тако и в прочем наипаче всегда пустынную святую простоту

лобызаше и сею, аки гривною златою, украшашеся. Иностранных же поступок и обычаев, еже многими борами (т.е. складками, сборками. — Е.Ю.) излишно одежду отягощати, вельми ненавидаше и буйством сие порицаше” (Барс — 156, л. 101–101 об.). Не вызывает сомнения, что подобные фрагменты звучали для 80-х гг. XVIII в. весьма актуально: ведь именно против излишеств в пище и тайноядения, роскоши в одежде и проникновения иностранных обычаев, неблагочинного поведения наставников выступал в своих “воспоминательных” словах Василий Данилов Шапошников.

Андрей Борисов в “Житии” касается еще одного аспекта выговской жизни — взаимоотношений старообрядческого общечестивства с внешней властью. В заслугу Андрею Денисову ставится то, что он свои полемические сочинения писал “с великим опасством и рассмотрением”, в особенности это относится к “Поморским ответам”, которые “не точию читающим потребно ко укреплению древлецерковного благочестия, но еще весьма годны и для сущей политики, ибо коль он в них умел учтиво и благопристойно во всем и со всеми высокими персонами писменно беседовати, нисколько не раздражая их характера, но притом нисколько же не уступая и в заступлении древности” (Барс — 156, л. 102 об.). Такая позиция была близка Андрею Борисову (и можно было бы счесть приведенный отрывок отражением его мнений), но тех же взглядов придерживался и Андрей Денисов²¹, и Мануил Петров, позже составивший книгу “О молении за царей” (Епарх — 568). Поэтому, если учесть, что автор “Жития” получал сведения от Мануила Петрова (подробнее см. ниже), участвовавшего в составлении “Поморских ответов” (Яковлев, с. 412), следующий рассказ имеет большую степень правдоподобия. В “Житии” сообщается о том, что Андрей Денисов подвергал работу своих помощников сильной редактуре и даже своему брату Семену, если тот писал что-то “весьма ревностно”, говорил: “...Уже нам российских архиереев и философов никакою ревностию не повратити будет в свое состояние, тако Богу извольшу содеватися в последнее сие печальное время <...> к ним с почтением да отвечаем <...>, ибо не научити их сим хотяще, но точию себе оным доставити желаем в благоспасительный покой и како бы в нераспужении конечном нам быти всем издревле церковного святого благоверия” (Барс — 156, л. 103–103 об.).

Аналогично можно расценить и повествование о “взыскании внешнего любомудрия”, содержащее похвалу светским наукам и, более того, признание необходимости их изучения для “ведения” Божественного писания: с одной стороны, такова была позиция Андрея Денисова, которую широко восхваляли современные ему панегиристы, с другой — автору “Жития” это тоже было глубоко созвучно. Андрей Борисов пишет: “Еще же велие прилежание и охоту присно имеяше и ко внешнему философскому учению, <...> елико к грам-

матики, стихотворству, риторике красоте всеобразную, толико и к диалектикам, логикам, кабалистичной философии и всеобожженной превысочайшей богословии" (Барс — 156, л. 107). В "Житии" сообщается, что первый киновиярх признавал необходимость в познании "ученых терминов", в различении философских категорий. Будучи сам книжником и писателем, Андрей Борисов, по-видимому, с особым чувством рассказал о привычке Андрея Денисова, которую сохранили в памяти его ученики: "Имеяше же блаженный отец обычай непреложен свойственного постоянства и в чтении книг. Всегда бо твердо с начала самаго всякую книгу прочитоваше постоянно, даже и до конца. Аще же какое другое дело между чтением привнидет, то учиняше закладку в листах книжных, а никогда беспорядочным образом и скорохватно чтение не произвождаше" (Барс — 156, л. 102).

14-я глава посвящена поездке Андрея Денисова в Киев и его пребыванию в стенах Киево-Могилянской академии. Это повествование может восходить только к рассказу сопровождавшего киновиярха Мануила Петрова ("имый с собою единого ученика Мануила великодушнаго" — Барс — 156, л. 109 об.). "Житие" Андрея Денисова является единственным источником, подробно освещающим данный эпизод (Григорий Яковлев только упоминает о поездке Денисова с Мануилом Петровым "в Киев и в Польшу и во инья места" для "досмотра" икон и книг — Яковлев, с. 410). Глава завершается обширной похвалой разуму, учености и литературному мастерству героя, заимствованной из воспоминательного слова Семена Денисова (Барс — 156, л. 113 об. — 117 об. Ср.: Ег — 682, л. 34—38).

Глава 23-я, о преставлении Андрея Денисова, широко использует несколько письменных источников: "Историю Выговской пустыни" (Барс — 156, л. 172—172 об., 176 об. — 182. Ср.: ИВП, с. 210, 211—216), окружное послание Семена Денисова о смерти Андрея (Барс — 156, л. 172 об. — 173 об. Ср.: Ег — 425, л. 55—55 об.), "О преставлении Андрея Дионисиевича" (Барс — 156, л. 182—183. Ср.: Барс — 60, л. 58 об. — 59 об.). Однако описание самой кончины первого выговского киновиярха основывается на устных источниках. Андрей Борисов использует рассказ келейника Денисова Ивана Герасимова (Черного)²² о том, как киновиярх почувствовал приближение смерти и велел позвать сестру Соломонию: когда вся братия ушла в соборный храм на вечернюю службу, "остася же при нем один точию келейник, именем Иоанн Герасимов. Отец же в великой скорби лежаше. И вдруг во оное вечернее время со одра своего встав и вся сам своими руками две свечи, зажегши же оныя, постави едину пред образом Всемилоствитого Спаса, а другую пред иконою Пресвятыя его Матере преблагословенныя Девы Марии и, несколько помоляся, проглагола Иоанну, дабы он

вскоре кого послал по единокровную его сестру Соломонию, иже бе неподалеку в женских пределах. Нечто же и еще хотяше наказывати, но точию Иоанн уразумети уже не можаше, ибо некако повредися сущность глаголения его" (Барс — 156, л. 173 об. — 174).

Андрей Борисов подробно описывает день 1 марта 1730 г., детали этого повествования указывают на использование свидетельств очевидцев. Все, "стенияще с горестию", стояли у одра умирающего, "но уже никто не получи никакого словеси его, точию, егда узре очима своима превозжеленнейшаго брата своего и наследника кир Симеона, пролия великия слезы и приближившагося оного с великим воплем к персем его, объят главу, вельми немощными своими руками влечаше ко устам своим, аби бы лобызати хотяше, но ослабевающе руце его, опускаше ю при слезном своем лиянии, еще из незакрытых веждами очес" (Барс — 156, л. 174 об.). В "Житии" рассказывается о скорби и плаче Семена, о вопле и причитании сестры Соломонии (Барс — 156, л. 175—176 об.).

Двенадцать глав "Жития" (последняя из выделяемых нами групп, по объему равная первой) содержат сведения, в письменные источники не вошедшие, и отражают самостоятельную работу автора (Андрея Борисова или его сотрудников) по сбору устных свидетельств о первом руководителе киновии. Как можно видеть из текста, эти сведения касались как значительных событий выговской истории, так и бытовых подробностей жизни наставника.

Четырехлетнее заключение Семена Денисова в новгородской тюрьме в 1713—1717 гг. нашло отражение в различных выговских источниках: переписке, благодарственных словах, в "Истории Выговской пустыни". Повествование Андрея Борисова (глава 15-я "О премудром дивнаго отца Андреа ходатайстве, бывшем за брата его узника Симеона, и о великодушном его общежителных законов хранении") совершенно самостоятельно, оно как бы дополняет все предшествующие сочинения, сообщая целый ряд неизвестных деталей, например, то, что Семен Денисов был послан в Новгород "особливо для достижения Великих Миней Четиих Макариевских" (т.е. первого, новгородского, комплекта книг, хранившегося тогда в Софийском соборе) (Барс — 156, л. 118). Известно, что выговцы все время молились за своего узника. До 80-х гг. XVIII в. в памяти общежителтей сохранились подробности: "...убо заповедаша пост по всем скитонаселениям,— пишет Андрей Борисов,— уставивша на всяк день по 300 поклонов полагати. И кииждо убо пустынножитель от своея молчалныя клетки возношаше на небесныя крути усердную о узнике молитву" (Барс — 156, л. 118 об.). Особенно проявлял ревность Петр Прокопьев, который к тому же каждый день перед павечерницей пел соборный молебен "о избавлении узника и о даровании ему во ответех премудрости" (Барс — 156, л. 119). Так же горячо молилась за заключенного его сестра Соломония, которая

дала обет по избавлении брата пропеть молебен перед чудотворным образом Спаса в храме Преображения в Боровском скиту. Позже ее обет исполнил Андрей Денисов вместе с Петром Прокопьевым, Захарием Дровниным и "Лукой приезжим" (самой Соломонии киновиарх не разрешил нарушить устав общежителства и посетить скит, где не было раздельного проживания мужчин и женщин) (Барс — 156, л. 123—124). Наряду со сведениями, имеющими под собой реальную основу, в "Житие" проникают рассказы, имеющие оттенок легендарности. В частности, Андрей Борисов пишет, что в своих хлопотах за брата Андрей Денисов подвиг даже А.Д. Меншикова приехать в Новгород и хлопотать за узника перед митрополитом Йовом, что, однако, успеха не имело; супруга Меншикова послала Семену "на утешение рубаху и порты" (Барс — 156, л. 119 об. — 120).

Источник сведений о 1713—1717 гг. Андреем Борисовым не уточнен, но хорошее знание подробностей выдает очевидца. В посланиях Семена Денисова, адресованных выговским общежителам, называются, в частности, Трифон Петров и Даниил Матвеев (Ег — 1992, л. 155 об., 267), которые были тогда на Выгу и впоследствии могли рассказать агнографу о событиях тех лет.

Новые факты сообщает "Житие" о написании главных полемических трудов старшего Денисова — "Дьяконовых" и "Поморских ответов" (11-я глава "О люблении безмолвия на Лексе"; 19-я "О написании блаженным отцем Андреем Дионисиевичем Нижегородских ответов" и 20-я "О порицании Питиримовом Андрея Дионисиевича волхвом"). Андрей Борисов подробно останавливается на истории с "Соборным деянием на еретика Мартина" и "Феогностовым требником", подложность которых была доказана выговскими книжниками, продемонстрировавшими высокий образец филологической критики источника²³. Из "Жития" Андрея Борисова выясняется, что материал для палеографического и кодикологического разбора книг был собран Мануилом Петровым, неоднократно посылавшимся с этой целью в Москву. Описание того, как на Печатном дворе хранились "подлинники" "Соборного деяния" и "Требника", могло быть сделано только со слов очевидца: рукописи лежали "на столе и прикованные суть к стене изрядною цепию, <...> да еще при них, аки на страже, присно стояше монах, белорускаго сущь прирождения, и зело быстрыма очима на смотрящих остроумительно книги тыя смотряше и яко бы каждого мысли о них хотяше ведати" (Барс — 156, л. 132 об.). "Мануил же, — который и поведал агнографу все эти подробности, — по многократном к ним прихождении улучи некогда время, монашескаго стояния тут праздное, и тако в желаемой свободе зело их разсмотри добре, преврачая, аможе хотяше. И узре тогда все качества ухищренныя: и дивное смешение новости з древностию, простым очесам почти и непонятное; тамо проявившися тон-

чайшая почерки древних букв, инде же хартии изменение, такожде старое и новое листов сошвенне, не схожие древним временам бук-воначертание и многое пословие" (Барс — 156, л. 132 об. — 133). "История Выговской пустыни" сообщает, что Андрею Денисову в написании "Поморских ответов" "пособствоваше" его брат Семен и Трифон Петров (ИВП, с. 172); Григорий Яковлев указывает на этих же лиц как на "сочинителей" (Яковлев, с. 404, 406), о Мануиле Петрове и Данииле Матвееве говорит менее определенно: "при сочинении ответов <...> немалое радение показа" (Яковлев, с. 411, 412). В "Житии" подробно раскрывается роль Мануила Петрова, а также называется еще один известный выговский книжник — Леонтий Федосеев, помогавший Андрею Денисову в составлении "Поморских ответов" (Барс — 156, л. 132).

Интересные подробности сообщает 11-я глава: Андрей Денисов очень любил Лексинское пустынножительство (на Лексе рядом с женским монастырем было небольшое мужское общежитие, как филиал Выговского) "ово за безмолвие, ово же за попечение о нем" (Барс — 156, л. 85). Тут создавались "Поморские ответы". Позже, также на Лексе, будет написан Семеном Денисовым "Виноград Российский". Видимо, этот факт объясняется не только подходящими для литературной работы условиями, но и близостью "грамотной кельи", в которой искусные лексинские "писицы" могли профессионально и быстро переписать черновик. Во время работы Андрея Денисова над "Поморскими ответами", как повествует его агнограф, часть его трудов была утрачена: ночью, когда он "некако тонце воздрема над пишемым", листы рукописи истлели от огня (Барс — 156, л. 85 об.). Выговцы стали во всех общежитиях и скитах петь молебны святым ("их же бе свидетельства привношаше" в доказательство истинности старой веры), и вскоре проделанная часть работы была восстановлена, что было крайне важно, поскольку власти все время торопили выговцев с ответами.

Некоторые главы передают рассказы очевидцев о добродетельной жизни Андрея Денисова. Главы 6, 7 и 8-я свидетельствуют о прилежании киновиярха в молитве, строгом исполнении им церковного и келейного молитвенного правила. Глава 6-я "О ревности боголюбиваго отца Андрея Дионисиевича к присной молитве и укреплению во оной братии чрез свойственныя истинныя утверждения и от многих прочих чудесно самовидевших засвидетельствованныя" уже в своем названии указывает на устный источник и повествует о келейном разговоре Андрея Денисова "с пришедшею братиею с трудов из дальних мест о множайших братских нуждах и потребах" и о молитве (Барс — 156, л. 62 об.). В 7-й главе "О видении отеческаго келейнаго служителя, како виде в нощи премудраго отца своего Андрея пред Господем Богом на молитве стояща" передается рассказ келейника (его имя не названо), как он видел небесный свет, напол-

нивший комнату, в которой молился киновиярх. В конце главы выговский агиограф пишет: "По времени же некоем служитель той содружбы ему братиям о преславном том видении поведает. Тии же друг другу поведающе бяху о сем, тако и до нашего слуха повесть сия дойде, юже и предбудущим родом слышати предложихом" (Барс — 156, л. 65). 8-я глава "О видении Матфея Е[пифанови]ча, како виде отца Андрея по обеде на молитве стояща" опирается на рассказ Матфея Епифановича Позднякова, который жил в Березовском скиту у иконописца Михаила Ивановича Вышатины в конце 1720-х гг., позднее покинул общежитие, стал петербургским купцом, но незадолго перед смертью вернулся на Выг и умер здесь 24 июня 1782 г.²⁴ Андрей Борисов связывает возвращение Матфея Епифановича на Выг с данным видением: "И тако умиляшеся сим бывшим самовидением", он "на самый конец своея жизни <...> отложи все пристрастия к миру, прибыв в Выгорецкое наше общежитие" (Барс — 156, л. 67). Следовательно, этот рассказ автор "Жития" скорее всего слышал именно тогда, в начале 1780-х гг.

В главе 16-й "О возражении премудраго отца Андрея на порицающия поганым обычаем бывающее чихающим поздравление" рассказывается случай, происшедший с Андреем Денисовым, когда он в сопровождении нескольких человек ехал "из Челмужскаго селца близ брега в малой ладийце по великому озеру Онегу в реку малую Возрицу". Киновиярх стал сильно чихать, ему пожелали здоровья, но Захарий Дровнин "стрелою водрузившагося в нем сумнительного нрава уязвен быв и на страну лице и очи обратив", назвал это поздравление языческим обычаем. Андрей Денисов увещевал его притчей (Барс — 156, л. 124 об. — 125 об.). Андрей Борисов называет свидетелей этой сцены: Мануила Петрова и "тезоименитого Агкирскому презвитеру юношу" (под последним следует, видимо, подразумевать Василия Данилова)²⁵, именно от одного из них слышал этот рассказ выговский агиограф. Обращает на себя внимание тот факт, что Андрея Борисова, видимо, самого очень интересовал вопрос о чихании. В составе выговского конволюта XVIII — начала XIX вв. оказалась тетрадь, относящаяся к 1780-м гг. (РНБ. Q.XVII.200. Л. 37–42, VII-VIII), писанная двумя почерками, в том числе скорописью Андрея Борисова (л. 37–38), в конце которой (л. 41 об. — 42 об.) помещена выписка из "Вергилия Полидора о изобретателех, книга 6, глава 11, лист 330 и 331" под названием "О чихании и позевании". Здесь приводятся примеры историко-легендарного характера о существовании обычая, "что чихание аки добраго здравия знамение имеется и чихающим поздравляем и оным блага желаем" (РНБ. Q.XVII.200. Л. 42).

Отмеченные выше факты, почерпнутые Андреем Борисовым из устных источников, почти не вызывают сомнения в своей достоверности: они касаются тех событий и подробностей из жизни Андрея

Денисова, изложение которых не могло испытывать возможной тенденциозности выговского агиографа второй половины XVIII в.

Иначе обстояло дело с той главой "Жития", которая касалась животрепещущего для позднего Выга вопроса о взаимоотношениях с внешними властями. Глава 17 "О хождении премудраго Андреа Дионисиевича в Москве и на Петровских заводах к государыни Парасковии Феодоровне и о чтении пред нею древлепечатных книг" сообщает не встречающиеся в ранних выговских источниках сведения, подлинность которых пока не представляется возможным проверить. Андрей Борисов пишет, что его предшественник пользовался большим расположением вдовы царя Иоанна Алексеевича, Прасковьи Феодоровны. Выговского киновиарха (находившегося тогда в Москве) как человека искусного в Писании порекомендовал царице житель Олонецкого уезда, имевший подряд на строительстве ее дворца. Андрей Денисов, своим умом и знаниями завоевав доверие Прасковьи Феодоровны и цесаревен, был допущен к чтению им древних книг²⁶. В "Житии" указывается источник этих сведений. Им явился рассказ подрядчика: "последи же в Выгорецком общежителстве пострижен он бысть во иноки от отца Пахомия и преименован Корнилием, иже нам сие изустно повествовавый" (Увар — 344, л. 137). Только в одном-единственном списке, вошедшем в состав сборника с черновыми материалами Андрея Борисова, называется полностью имя этого олончанина — Кирилл Иванов (РНБ. Q.I.1083. Л. 34)²⁷. Дополнительных сведений о нем нам найти не удалось. Старец Пахомий, живущий (в 1748 г.) в общежителстве на Чаженге "во укрывательстве" "от настоятеля их Никифора С[еменова]", упоминается Григорием Яковлевым (Яковлев, с. 733, см. также с. 317, 655).

Согласно "Житию", царица Прасковья Феодоровна оказывала благодеяния всей Выговской пустыни. В ответ на подношение выговцев (посылку живых оленей) царица прислала короткое письмо со словами благодарности и с просьбой "впредь прошю о лебедях и о жеравлях, буде мощно, промыслить" (Увар — 344, л. 141). Когда она приезжала с цесаревнами на Марциальные воды, она вызвала из пустыни Андрея Денисова, и все время их пребывания он был вынужден жить на Петровских заводах, постоянно посещая царицу и беседуя с ней. Точно известно, что она находилась на Марциальных водах с дочерьми Анной (ее называет выговский агиограф) и Прасковьей в 1719 г. с зимы до осени²⁸.

Андрей Борисов, кроме того, сообщает, что, когда стряпчий Стахий Осипов предстал перед императрицей Анной Иоанновной — об этом факте упоминает также "История Выговской пустыни" (ИВП, с. 236—237), — то та вспомнила Андрея Денисова, читавшего книги ее матери (Увар — 344, л. 142 об.). Данная версия в какой-то своей части, скорее всего, использует рассказ Стахия Осипова.

Хотя в настоящее время мы не располагаем никакими документальными подтверждениями связей выговского киновиарха с царицей Прасковьей Федоровной, все же этот факт нельзя признать невероятным. Дело не только в том, что вдова Ивана V была человеком набожным, любительницей старины и церковных обрядов, кормила нищих и странников, что вызывало насмешливые замечания Петра I: "Двор моей невестки — госпиталь уродов, ханжей и пустосвятов"²⁹. Прасковья Федоровна была из рода Салтыковых, а он имел тесные связи со старообрядчеством. Ее двоюродный дед Федор Михайлович, основав Крестовоздвиженский Бизюков монастырь на своих землях под Дрогобушем на Смоленщине и приняв здесь постриг с именем Сергия, не подчинился церковным нововведениям и вместе с постриженником того же монастыря Ефремом Потемкиным, братом знаменитого Спиридона Потемкина, ушел в Поволжье. В 1662 г. они основали здесь скит Смольяны, или Старый Керженец. В 1665 г. иноки Сергей и Ефрем были схвачены и предстали перед церковным собором 1666 г., где принесли покаяние³⁰. Родной дед царицы, Петр Михайлович Салтыков, занимая видные должности при дворе, не придерживался воззрений брата. Именно он объявил протопопу Аввакуму в августе 1664 г. царский указ о ссылке на Мезень³¹. В истории старообрядчества известен дворецкий Салтыковых Исайя, сожженный около 1670 г.²². Описанию его страдания за веру посвящена одна из глав "Винограда Российского" Семена Денисова (ВР, л. 35 об. — 36 об.)³³. Сама царица, по-видимому, питала сочувствие к старообрядчеству. Известно ее письмо к Дмитрию Ростовскому 1708 г., в котором она ходатайствовала за одного попа, сторонника древнего благочестия³⁴.

Если анализировать рассказ "Жития" о Прасковье Федоровне на предмет его достоверности, то можно заметить, что описываемые реалии вполне соответствуют действительности. Оставшись вдовой в 1696 г., царица выбрала своей резиденцией Измайлово, она жила здесь в деревянных хоромах, построенных еще при Алексее Михайловиче. Но в 1700 г. случился пожар, дворец сгорел и в 1702 г. был практически отстроен заново³⁵. Сохранившаяся подрядная запись свидетельствует, что строительство вели северные мастера: "Олонецкого уезду <...> Шунского погосту деревни Павликовой крестьянин Ларион Федоров сын Сахаров" и "Кижского погосту деревни Мяхкой крестьянин Архип Оксенов сын Плешков", причем они подрядились "на дворе старые хоромы и от тех хором до церкви переходы роззобрать и вновь построить на каменных подклетах против чертежа"³⁶. Таким образом, "Житие" Андрея Денисова совершенно точно указывает, что на постройке дворца Прасковьи Федоровны работали олончане, среди которых мог быть и Кирилл Иванов, позже ушедший на Выг: из истории общежительства хорошо известно, как много здесь было выходцев из Шунгского и Кижского

го погостов. Обращают на себя внимание и вошедшие в агиографическое сочинение подробности постройки: олончане подрядились дворец “вновь построить” (и действительно, старые хоромы были разобраны и здание построено по новому проекту и на другом месте)³⁷, и “дело строения” происходило “в распространение по уложенному на то архитектурному плану” (Увар — 344, л. 137). Измайлово было крупным дворцовым селом, еще царь Алексей Михайлович уделял большое внимание его хозяйству: здесь сеяли хлеб, выращивали лен, хмель, занимались пчеловодством, огородничеством, выращиванием лекарственных растений. Потому не удивительно, что, желая отблагодарить выговского настоятеля, Прасковья Федоровна предложила ему зерно, в достатке имевшееся в ее закромах (в Измайлове действительно собирали большие урожаи). На острове, неподалеку от дворца, находились зверинец и птичий двор, в этой связи понятно, что посылаемые выговцами живые олени, лебеди и журавли были очень кстати.

В 17-й главе “Жития” Андрей Борисов говорит также о существовании переписки между выговским киновиархом и Феофаном Прокоповичем; такие письма не известны не только по рукописям, но и по упоминаниям (ни Ивана Филиппова, ни Павла Любопытного). Из сочинений такого рода сохранились только приветственное письмо Андрея Денисова новгородскому архиепископу Феоodosию Яновскому по случаю его приезда на Марциальные воды от 10 июля 1722 г. (Брат — 17, л. 46–47) и послание Семена Денисова Феофану Прокоповичу, вице-президенту Синода, от 14 января 1734 г. в связи с доносом Петра Халтурина (Мазур — 1322, л. 1–7). Вполне возможно, что были и какие-то другие, до нас не дошедшие обращения выговцев к высшим иерархам официальной церкви, но пока у нас нет доказательств двустороннего характера этих отношений, скорее всего, имело место желание позднейшего агиографа представить раннюю историю пустыни в нужном для себя свете³⁸: как киновиарху Андрею Борисову приходилось заботиться о сохранении и благосостоянии общежития и вступать в контакты с гражданскими и духовными властями. Может быть, писателю хотелось также показать своим современникам, что Выговская пустынь всегда была известна царствующим особам и видным церковным деятелям, они покровительствовали ей и ценили высокую образованность и мудрость ее наставников.

Как того требовал агиографический жанр, за повествованием о жизни и преставлении героя следовали чудеса. Андрей Борисов приводит их семь, четыре из которых, как отмечалось выше, дословно заимствуются из “Истории Выговской пустыни”, а три основываются на устных источниках. Это глава 27-я “О некоем человеце, имущем сомнение о благочестии и о скоропостижной смерти отца Андрея Дионисиевича” (сомневающемуся в “тонком сне” явился Ан-

дрей Денисов, а на следующий день Петр Прокопьев), 29-я "О жене некоей, юже премудрый отец Андрей явлением своим от мучащих ю люте трясовичных болезни избави" и 30-я "О видении некоторыя девицы, како виде во сне блаженного отца Андрея, приехавша на беле коне в колеснице по душу преставльшагося сродника его Даниила".

Все чудеса, связанные с именем Андрея Денисова, носят традиционный характер: видения, предсказания, заступничество перед Богом, исцеление. Несмотря на этикетность данной части агнографического сочинения, чудеса сообщали о реальных людях и фактах, в описание часто проникали бытовые подробности. В этом отношении в "Житии" Андрея Денисова особый интерес представляют два чуда. В 29-й главе рассказывается о некоей больной жене Евдокии, крестнице выговского киновиарха и его сестры Соломонии, жившей, видимо, в одном из скитов. В чудном видении ей явились в колеснице Даниил Викулин, Петр Прокопьев, Андрей и Семен Денисовы, Петр Кобылев, Евстафий Бахтин, Иосиф Головнин. На заднем приступе колесницы стоял "прекраткий Евсевий", который братьям Денисовым, общежителям и скитянам "в духовных и в гражданских народных исполнениях послужил усердно лет тридесят, его же блаженная память и до сего дне всех усты немолчно с похвалою проповедует" (Барс — 156, л. 207 об. — 208). Евсевию отводится в чуде одна из главных ролей. После мольбы Евдокии об исцелении Андрей Денисов "веселым оком возрев на ню и краткими глаголы поздравствовал ю и к стоящему на заднем тоя колесницы степеню служителю рече: "Брате Евсевие, даждь ей из везомыя за нами дельвы изпити". Он же скоро взял чашицу малу и ис тоя дельвы потоком исполнив ю, даде ей пити. Она же примши, прекрестився, испи ю" — и выздоровела (Барс — 156, л. 208—208 об.). Вполне очевидно, что упомянутый Евсевий не кто иной, как выговский земский писарь Евсей Ермилов. Как удастся установить по ревизским сказкам, он родился в 1676 г., по доношению 1721 г. был записан в Шелтопорожском скиту³⁹, по II ревизии — в Выговском общежительстве (Барс — 5, л. 7 об.), умер в 1748 г.⁴⁰. Таким образом, чудо исцеления Евдокии произошло спустя несколько лет после этой даты ("...память и до сего дня..."). Одна биографическая подробность о Евсее Ермилове проливает свет на автора данного чуда: суземский писарь приходился дядей Василию Данилову⁴¹. В "Житии" говорится, что Евдокия поведала "знаемым сотворшееся ей отеческим явлением от лютаго трясовичнаго недуга свобождение" (Барс — 156, л. 208 об.). Среди них, без сомнения, должен был быть и племянник явившегося ей Евсевия.

Чудо, описанное в 30-й главе, относится к Даниилу Ивановичу, ушедшему в молодых годах на Выг и прожившему в Боровском скиту 37 лет; как сообщает "Житие", он умер 25 декабря 1733 г.

“Преставльшуся же тому в вечер дня того, служащая ему в болезни его некая девица именем Екатерина, яже стара сущи и обычными к погребению приготовлениями утрудившися, возлеже на верх келейных печи, идеже и успе, и якобы единой четверти часа минути, скочи абие и ставши на приступе тоя печи, хотяше ступити с таковыя высоты, притупи на помост келейный. Ту же случися быти в той час сын преставшагося и хотящую ринутися с таковыя высоты удержал” (Барс — 156, л. 209 об. — 210). Екатерина рассказала свое видение; “слышаще же сия, сущии ту прославиша Бога, прославляющаго тако своя угодники” (Барс — 156, л. 210 об.).

В документах II ревизии, где отмечались родственные отношения, находим запись: у Спаса на Бору “писанной по скаске [1]720 году Данил Иванов, 57 [лет], умре [1]734. У него жена, писанная по скаске [1]727 году, Неонила Ефремова, на лицо, 74 [года]. У них сын писанной по скаске [1]720 году Василий 30 [лет], на лицо, 54 [года]”⁴². Т.е. в “Житии” речь идет об отце Василия Данилова, приходившемся “сродником” Андрею Денисову.

Предпринятый анализ “Жития” Андрея Денисова показывает, что его автор не только максимально полно использовал письменные источники, в которых бы говорилось о деятельности первого киновиярха (послания, воспоминательные слова, “Историю Выговской пустыни”), но также зафиксировал различные рассказы и предания о нем⁴³. Частично Андрей Борисов мог воспользоваться черновыми материалами, переданными ему другими книжниками⁴⁴. Факт участия Василия Данилова в подготовительной работе над “Житием” подтверждается документально его письмом от 23 января 1769 г., сопровождающим посылку именно этих материалов: “...елико в растленной моей памяти слышанная от древних разных повествователей о добродетелех блаженного отца удержати возмогах, толико в девяти статиях вашей благости тупою неразумия моего тростию написях, которое написание вам, отцу моему государю, при сем моем грубом начертанийце и присылаю” (Барс — 680, л. 3 об.). Выявить в окончательном тексте “Жития” весь пласт повествования, принадлежащий перу Василия Данилова (или опирающийся на его “девять статей”), не представляется возможным (некоторые рассказы мог слышать и сам агиограф). Безусловно им написаны чудеса, касающиеся его дяди и отца; возможно — рассказ о чихании и о молебне в Боровском скиту (где жила семья Василия Данилова и он сам).

В ряде случаев можно определить источники устных сообщений, использованных в “Житии”. Среди них были воспоминания учеников и современников Андрея Денисова: Мануила Петрова (сведения о поездке в Киев, о написании “Дьяконовых” и “Поморских ответов”), Ивана Герасимова (о предсмертной болезни Андрея Денисова), Матфея Епифановича Позднякова (случай в Березовском ски-

ту), а также не названных по именам людей, таких, как выговские трудники, которых Андрей Денисов поучал о пользе молитвы или с которыми сидел за общей трапезой. Агиограф мог также беседовать об истории пустыни с Трифоном Петровым и Даниилом Матвеевым.

Таким образом, Андрей Борисов, создавая "Житие" тезоименитого ему выговского киновиарха, выступил как составитель, редактор и собственно писатель. В том же письме 1769 г. Василий Данилов относительно своих материалов писал: "И ежели что из того годно будет, яко от дивняго и сухаго сука к вашей многоплодной и добродетельми и хитрыми науками цветущей маслине присадити, прошу покорно в чертог светлости отеческия похвалы грубое мое начертание внести" (Барс — 680, л. 3 об.). Отправитель письма не без самоуничижения признает литературное превосходство своего адресата, предоставляя ему необходимый материал для писательских трудов. Возможно, Андрей Борисов проводил общую редакторскую правку первоначальных записок, придавая своему сочинению стилистическое единство. Но обращает на себя внимание то, что из произведений Семена Денисова и Ивана Филиппова довольно большие фрагменты заимствуются дословно, без всяких изменений: памятники выговской словесности периода ее расцвета были для позднейшего писателя неприкосновенными литературными образцами. И сам Андрей Борисов, учившийся у Мануила Петрова (Ег — 1168, л. 342 об.), творил в духе этой школы, что демонстрирует не только рассмотренное "Житие", но и другие его сочинения. Таким образом, "плетение словес" (в немного упрощенных формах) продолжало свое бытование на Выгу еще в конце XVIII в.

"Житие" Андрея Денисова представляет нам также определенный срез духовной жизни пустыни. Из текста памятника очевидно, что спустя несколько десятилетий память об Андрее Денисове не ослабевала, в братии передавались устные рассказы о его добродетельной жизни и связанные с ним чудеса; благодарная память выговцев хранила мельчайшие бытовые подробности жизни своего наставника. Активная переписка "Жития", представлявшего собой объемистую книгу в четвертую долю листа, его иллюстрирование говорят о популярности этого памятника на Выгу вплоть до середины XIX в.

* * *

"Житие" Семена Денисова несет в себе больше загадок. К сожалению, решение многих из них может быть только гипотетическим.

В отличие от "Жития" Андрея Денисова агиобиография его младшего брата не стала таким распространенным памятником. Она существовала как в виде отдельной книги⁴⁵, так и в составе сборников⁴⁶.

“Житие” состоит из 17 глав и надсловия. Предисловие, включенное в общую нумерацию глав, начинается рассуждением, “колико есть полезна история человеческому роду” (Барс — 64, л. 8). Дав высокую характеристику добродетелям и премудрости Семена Денисова, автор говорит о тех причинах, которые побудили его предпринять свой литературный труд: “...таковаго убо мужа житие начертати аз, скудоумный, подвигаюся. Прочее же в невежественных мною да никто не зазрит, понеже убо ревности ради и любви к высокости деяния онаго подвигаем, овоже к премудрости пучине снисходя, в малой моей ладийце разума от онаго молю в подании помощи навывкнути, а овы не хотя такого мужа, в благочестии усерднаго, в добродетели высокаго, в премудрости преукрашеннаго, без памяти оставити, тем же восхищенный до третияго небеси и глаголет: “Помните наставники ваши”. Но како их мощно помнити, аще истории о них не возимеет” (Барс — 64, л. 9 об.). В предисловии говорится об источниках сочинения и — косвенно — о времени его написания: “Сего ради аз многое и неусыпное желание возимех историю сию о богомудром отце и настоятеле сего Выгорецкаго общежителства Симеона (Д) написати. Но понеже небрежно многим о сем полагающимся (еже бы написати порядочно житие онаго), аще и во устех их обносит, обаче память о нем, аки искра в пепеле, погнати хотяше, чего ради уже поздно на се взыскание изыдох, испытую многия от живущих при оном настоятельстве, более же собирая от истории боголюбиваго мужа Иоанна (Ф), от него же разнесенная по всей истории о выгорецком жителстве, собирая во един сот, связях, да хотящим слышати и ведати онаго мужа благоприятныя подвиги удобнее в сей, мною, собранной истории обрящет” (Барс — 64, л. 10).

Как и для “Жития” Андрея Денисова, основным письменным источником рассматриваемого памятника послужила “История Выговской пустыни” Ивана Филиппова. Из приведенного отрывка также видно, что “Житие” Семена Денисова было написано спустя значительное время после его кончины и использовались при этом рассказы даже не его учеников, но только “живущих при оном настоятельстве” (ср. в “Житии” Андрея Денисова: “жителствовавших с ним и слышавших пресладкое его учение” — Барс — 156, л. 7). Тот факт, что “Житие” младшего Денисова было создано после агнографического сочинения Андрея Борисова, подтверждается прямой отсылкой в тексте главы о преставлении Андрея Денисова: “Изволяя пространнее ведати, да чтет историю Иоанна Филипповича вразнь писанную и особосочиненную тезоименичеством оному почитенным” (Барс — 64, л. 40). Таким образом, “Житие” Семена Денисова было написано не ранее самого конца 1780-х гг. или в 1790-е гг.

“Житие” Семена Денисова построено по той же самой схеме, что и труд Андрея Борисова: глава 2 “О отечестве богоблаженного Симеона” содержит похвалу Европе, России, Олонцу и Повенцу — родине героя, затем следуют главы “О времени рождения и о воспитании премудраго Симеона” (гл. 3), “О исшествии из мира в пустыню богомудраго Симеона вкупе со отцем своим Дионисием и братом Иваном” (гл. 4) и далее рассказ о деяниях и добродетелях Семена Денисова.

В рассматриваемом “Житии” целые главы построены на заимствованиях из сочинения Ивана Филиппова. Здесь мы встречаем и обширное цитирование, и пересказ, и небольшие фактологические дополнения. Повествование 3-й главы соткано из отрывков, восходящих к тексту 1, 19 и 21-й глав “Истории” (Барс — 64, л. 11 об. — 19 об. Ср.: ИВП, с. 9, 13–14, 19, 21, 22, 78–80, 81, 83, 98–100). Автор “Жития” сознательно не ставит перед собой задачи дать широкую картину первых лет старообрядчества, распространения этого движения на Севере и зарождения общежительства, потому он дает отсылку на другие источники: “И хотяй пространнее ведати о начале сего общежительства да чтет Историю Ивана Филипповича и надгробную Петра Прокопьевича, сочинен[ную] Андреем Дионисовым” (Барс — 64, л. 19). Говоря об известном (по ИВП и “Житию” Андрея Денисова) факте посещения дома Дионисия Евстафьева Игнатием Соловецким (это было в 1680-х гг., Семен же родился в 1683 г.), автор “Жития” Семена Денисова делает необходимую оговорку: “Сего аще за малолетство и не помняше сей Симеон, обаче брат его премудрый Андрей добре помняше. И всякаго от него медоточнаго учения насыщен быше, от него же сей нами повествуемый муж слышателем бысть, паче же и от своих родителей извещением наказан” (Барс — 64, л. 16 об.). Сведения, почерпнутые у Ивана Филиппова, в “Житии” дополняются рассказом о том, как и в детстве Семена проявился его боголюбивый нрав. Трудно сказать: носит этот рассказ этикетный характер или все же основан на реальных фактах: “Бе бо еще в малолетстве имый разум зело остр и страха Божия наполнен. Егда бо его родительница от земных преселяшеся к будущим, он же неотступен бысть никаможе от одра ея, ово естественною любовию склоняем слезяше, жалея породившей и воспитавшей его матери, ово же аще и детскими глаголы воспоминаия от книг болезненное изхождение души человеческой от тела и о безсмертии ея, также по мытарствам прехождени, чесо ради родительница его паче прочих чад к нему естественность любления скланияше и в таковом от любезнаго ея сына утешении предаст душу свою в руке Богу” (Барс — 64, л. 17 об. — 18).

Повествование Ивана Филиппова об отце братьев Денисовых, положенное в основу 4-й главы (Барс — 64, л. 19 об. — 21. Ср.: ИВП, с. 106), дополняется любопытной подробностью, отсут-

ствующей в других источниках. В последние дни жизни Дионисия Евстафьева (он умер в июне 1705 г.) в общежительстве не было ни Андрея, ни Семена, ни Даниила Викулина. Дионисий предрек, что "Андрею же не были при исходе его, Симеону же на путном шествии прилучится, Даниилу же исход его присещением почтити, тако бо и збысться, якоже изрече" (Барс — 64, л. 21).

Событийная канва многих глав "Жития", посвященных трудам Семена Денисова на благо общежительства, также восходит к "Истории Выговской пустыни": 6-й "О четырехлетнем темничном томлении чудного Симеона от новгородского архиерея Иова за древнее благочестие" (Ср.: ИВП, с. 145—148, 149), 7-я "О присланном на Петровский заводы от Синода учителе иеромонахе Неофите" (Ср.: ИВП, с. 169—189, пересказ. Отсылка: "которые разговоры особною историею описаны суть" — Барс — 64, л. 38 об.), 9-я "О избрании в настоятельство Симеона Дионисовича" (Ср.: ИВП, с. 214), 12-я "О напастех от диавола чрез своих сосу-дов, воздвизаемых на святую сию обитель во время правления Симеонова" (Ср.: ИВП, с. 221—239, пересказ. Отсылка: "о чем во истории Иоани Филиповича пространно писано есть" — Барс — 64, л. 58—58 об.), 13-я "О трудех и тцании настоятеля Симеона в строении монастырских" (Ср.: ИВП, с. 239—240, 241—247), 14-я "О преставлении киновиарха выгорецкаго Даниила Викулича" (Ср.: ИВП, с. 250—254. Отсылка: "Изволяй же о нем ведати пространно, да чтет Историю Ивана Филиповича" — Барс — 64, л. 64 об.), 16-я "О приезде асессора Самарина ис Тайной Санкт-петербургской по оклеветанию Круглаго и о взятии отца Симеона под арест" (Ср.: ИВП, с. 394—395, 398—407, 409—410, 417—418. Отсылка: "О чем пространно писано есть во истории Ивана Филипповича, самобывшего на сем жестоком истязании" — Барс — 64, л. 78), 17-я "О преставлении отца Симеона Дионисиевича" (Ср.: ИВП, с. 472—473).

В вышеназванных главах "Жития" приводятся и некоторые дополнительные сведения, выходящие за рамки письменного источника. Обратим на них внимание.

В 6-й главе называется конкретная причина доноса Лыскова на Семена Денисова, который за "некое безчиние" повелел Лыскова "жестоце телесно наказати и вон изгнати" (Барс — 64, л. 25 об. — 26). Иван Филиппов говорил лишь о том, что Лысков, "яко Июда на Христа", донес (ИВП, с. 145). Автор "Жития" использует этот образ в своем повествовании: Лысков "совокупляется с подобным себе клеветом толвуянином, подобным лукавством Июдиным напояется, еже предати сего неповиннаго мужа на лишение жизни, шед во архиерейский разряд, якоже Июда к жидовским архиереом, объявляет чрез неких себе подобных архиерею Иову сего мужа прибытие" (Барс — 64, л. 26 об.). Автор "Жития" рассказ

“Истории” дополняет подробностями страдания за веру младшего Денисова: “Глаголют же, егда в ярости призываше его архиерей и на разглагольствии книгою новопечатною во главу его многожды бияше. Случися же некогда и цепию во главу зельно ударену быти, от чего до кончины своея блаженный жизни зельно главою боляше” (Барс — 64, л. 34 об.). Видимо, в дополнение к повествованию “Жития” Андрея Денисова о связях выговского киновиарха с царицей Прасковьей Федоровной, автор данного памятника, сообщая о хлопотах Андрея за брата, говорит о посещении им в этой связи и Прасковьи Федоровны (Барс — 64, л. 34 об. — 35).

В 9-й главе автор “Жития”, рассказывая о настойчивом убеждении Семена Денисова братией занять пост киновиарха после смерти Андрея, указывает, что выговцы “сотворше избрания сего лист и руками оный подписаша” (Барс — 64, л. 41). В сборнике выговских уставов и постановлений такого документа не сохранилось⁹⁷, но, вполне вероятно, что он и существовал, во всяком случае далее об этом подписном листе агнограф говорит более подробно.

Существенно дополнены сведения “Истории Выговской пустыни” относительно работы комиссии по доносу Ивана Круглого. Когда обоз с арестованными выговцами прибыл в Пигматку, рассказывает Иван Филиппов, “ту солдаты походя по кусу хлеба поели и Круглого нагрели в келии и покормили солдаты” (ИВП, с. 406). Автор “Жития” вводит эпизод, характеризующий кротость Семена Денисова: “И по сем приехавше в Пигматку и тамо несколько остоявшися, и солдатам дано бысть время поести. Отец же Симеон приказа Круглого хлебом, медом намазанным, накормити. Таковую убо незлобость досточюдный сей муж име, ея же всем можно удивитися” (Барс — 64, л. 82). Когда около 50 подвод растянулись по дороге вдоль берега Онежского озера, Круглый, пишет Иван Филиппов, “сediaше в санях, смотряше на обоз сперва и веселяшися, глагола салдату, показуя на обоз: “Хороша свадьба”, — и салдат сказал ему с любовью: “Иван Иванович, какую ты свадьбу зделал”. И он ему с яростью встречю сказа: “Молоденек ты, все и в тебе может быти”. И солдат замолчал” (ИВП, с. 406–407). В житии сохранен этот диалог с солдатом, но ответная реплика Круглому содержит осуждение его предательства: “Исперва веселяшися, глаголаше салдатам: “Видите, какую я сыграл свадьбу”. Един же из оных салдат глаголаше ему: “Чего ради веселишися, Иван Иванович? Какая се свадьба, не самая ли неповинная бедность?” Он же на него яростно кричаше, салдат же умолче” (Барс — 64, л. 82–82 об.). Другой эпизод также рассказан в “Житии” более логично. Когда обоз ехал против Палеостровского монастыря, Семен Денисов обратился к пострадавшим здесь отцам с мольбой о заступничестве. “И потом, глаголют, на онаго Круглаго нападе велий озноб, содрогаяся со ужасию и гогоча зубами. И начат нечто боятися и трепетати”

(Барс — 64, л. 82 об.). В "Историю Выговской пустыни" эта подробность, восходящая к рассказам очевидцев, не вошла, и потому осталось непонятным "дивное предложение" Круглого — его отказ от показаний.

Основную событийную канву жизнеописания Семена Денисова агиограф черпает из своего основного письменного источника — "Истории Выговской пустыни", — дополняя его весьма незначительно сведениями, восходящими к устным рассказам, причем эти дополнительные эпизоды относятся преимущественно к кону 1730-х гг., т.е. к тому времени, которому еще могли быть свидетелями старшие современники автора "Жития". Для сравнения можно сказать, что Андрею Борисову, заставшему в живых, видимо, еще многих сподвижников и учеников первого киновиарха, удалось за счет их воспоминаний более существенно расширить повествование Ивана Филиппова.

Андрей Борисов в предисловии к своему "Житию" указывает и другие письменные памятники, использованные им при работе, — надгробные слова. Автор "Жития" Семена Денисова об этом умалчивает, однако и он прибегает к этим сочинениям, но черпает из них не фактические сведения, а панегирические фрагменты.

Глава 17-я "О преставлении отца Симеона Дионисиевича" открывается пространным восхвалением Семена Денисова, заимствованным (с незначительной обработкой) из надгробного слова неизвестного автора.

"Слово надгробное Семену Денисову"

исполняши восхождение естественных степеней <...> в мужестве крепости, силы крепость, в седилах благоразумие, восхождение паки естества обучение, якоже благосияющее познание, тако в юности священных писмен скорее навычение и абие быстро читати и писати и вскоре благоразумно разумевати и рассуждати и не замедля высоких наук касатися и постигати и на верх богословия востечение, якоже и добродетели солнцезрачное просвещение, кротость и смирение, ко всем любовное говение, учтивое приветствие, невеличечное возглаголание, медоточное утешение, полезное советование, спасительное возвождение. Да что молчанием упущаю, имже, яко венцем красо-

"Житие" Семена Денисова

пастырь всей Выговской пустыни Семен Дионисиевич, мужественный в крепости, в седилах благоразумный, естеству обучитель из младых ногтей даже до блаженныя койчины, в священных писании непрменный испытатель, скоротечный во всех науках елень, высокопарящий во святей богословии орел, благочестия столп непоколебимый, добродетелем солнцезрачное просвещение, ко всем любовный говейатель, учтивый приветственник, медоточный утешитель, полезный советатель, спасительный возводитель, ревностный о древлепреданной святей вере всещепающийся поборник. Не словом малейшим, но многолетним повсюду благовещением, непостыдным пред всеми возглаголением, премудрым к пререкающим возражением, прехит-

ты, светлеешия. По благочестии ревностно, не словом малем, но многолетным повсюду благовещением, непостыдным пред всеми возгласием, премудрым к пререкующим возражением, прехитрым к лукавующим воспящением. К сим и в темницах, и в юзах, и в оковах, во изгнаниях, в бегствах, от своих в разлучениях, от внешних и внутренних ненавидим, оклеветаем, наветуем, предательствуем (Попов — 207, л. 112 об. — 113)

рым к лукавующим воспящением, но и самом делом сея ревности сей великомужественный муж беяше исполнитель. В темницах изнуряем, во узах и оковах повлачаем, во изгнаниях и в бегствах стесняем, от внешних и внутренних ненавидим, оклеветаем, наветуем, предательствуем (Барс — 64, л. 88—88 об.).

Большая часть недсловия также представляет собой почти дословное заимствование из заключительной части надгробного слова Семену Денисову Даниила Матвеева 1740 г., содержащей просьбу о восстановлении внутреннего мира в общежительстве и прекращении внешних напастей (Барс — 64, л. 98 об. — 99, со слов: "Утиши злодыхательныя волны...". Ср.: Барс — 60, л. 178 об. — 179).

Писатель конца XVIII в. использовал еще один неназванный источник — сочинения самого героя повествования. "Житие" Семена Денисова — единственный памятник выговской агиографии, в котором наряду с описанием жизненного пути героя дается достаточно полный обзор его литературной деятельности. И поскольку сочинения Семена Денисова соотнесены здесь с определенными этапами его деятельности, то эти сведения могут быть использованы при датировке ряда произведений.

В главе 5-й "О жительстве и подвигах в пустыни и ревности о благочестии богомудраго Симеона" (предшествующей повествованию о новгородском заключении 1713—1717 гг.) наряду с прилежанием в молитве, строгим соблюдением поста и терпением восхваляется защита древнего благочестия, что в тот период истории Выговской пустыни выражалось в сборе свидетельств в защиту старой веры. Об экспедициях выговцев по всей России хорошо известно, но "Житие" сообщает нам интересные факты о самостоятельных поездках Семена Денисова: "Последи же и един ездяше, ово в Москву и тамошнюю древнюю книгохранительницу испытываше. Надсмотрителю же оныя признакомися своими учливыми разговорами, чрез него же свободный вход имеяше в книгохранительницу. И тамо с прочими общежителю что нужное и благопотребное ко благочестию списываху. Также и новгородскую библиотеку чрез добрых людей осмотрих и тамо полезными свидетельствами обогатися. Бе бо вельми скор на писание, яко в краткое время тетрадь изготавляше" (Барс — 64, л. 22 об. — 23). То, что Семена Денисов писал очень быстро, подтверждает и другое сочинение — "О преставлении Симеона Дионисиевича", где говорится, что он "рукама борзо и

добре пишуць” (Попов — 207, л. 132). У старшего брата Семен научился грамматике, риторике, философии. Уже в самом начале своего творчества Семен Денисов попробовал себя в жанре торжественного красноречия: “прилежа и к сочинению праздничных торжественников, панегирических словес” (Барс — 64, л. 24). Тогда же им были написаны “История о отцах и страдальцах соловецких” и “сочинение противу вопрошения Трифона Петровича” (Барс — 64, л. 23 об.).

О времени новгородского заточения Семена Денисова агиограф сообщает: “Писа же из темницы дивный страдалец Симеон в Выгорецкую пустыню ко отцем и братии епистолии, зело умиленные и душеполезныя, моля и прося все общество, да испросят ему от Создателя в полезное души его, жалея же и плачяся, якоже трие отроцы по Иеросалиме, тако он по святей обители и боголюбезной братии, яко чадо по своей матери, стенияше” (Барс — 64, л. 31 об. — 32). Из известных в настоящее время восьми посланий Семена на Выг в “Житии”, как можно определить по тексту, цитируются два⁴⁸.

После побега из новгородской тюрьмы Семен Денисов был вынужден некоторое время жить на Выгу тайно, в этот период он не только помогал брату в управлении киновией, но также занимался литературным трудом: “Многия словеса на праздники торжественныя написа и Богоматерь и святых угодников теми почти. Многия историческия и стихотворческия поздравительства и надгробныя словеса учини, елико каталогов собственных и других эпистолических писаний сотвори, число превосходят” (Барс — 64, л. 36 об.). Факт участия Семена в составлении “Поморских ответов” известен, однако трудно определить, что конкретно им было написано. Агиограф в качестве примера приводит обширнейший 50-й ответ, посвященный перечислению “новин”. Кончина Андрея Денисова была почтена “многими премудрыми и сладительными” надгробными словами, “паче же сей дивный Симеон <...> зело предивныя и всякия премудрости исполненныя две надгробныя написа, жалость не точию сердцем, но и словесы изобрази <...> которая и до ныне от благочестивых с великим услаждением и жалостию прочитаются” (Барс — 64, л. 40). Автор второй половины XVIII в. приводит точные тексты “фем” двух произведений, благодаря чему мы видим, что речь идет об известных словах — на погребение и на 40-й день⁴⁹.

Характеризуя первые настоятельски труды Семена Денисова (до 1733 г.), автор “Жития” особое внимание уделяет его проповеднической деятельности. Безусловно, опираясь на рассказы слушателей, агиограф описывает риторскую манеру Семена: “По трапезе же, аще в воскресной день в вечер или в кий праздник торжественный простираше учение свое братии, поучая их надолзе <...>. Нерадящим же невнятна быти слышахуся, того ради нецыи малодушнии скор-

бяху о пространстве его словес, леностию побеждаемии, мнози же тщаливейшии со усердием послушаху, на умиление и слезы обращахуся, удивляхуся попремногу по отце действующей от Святого Духа премудрости. Толь же долги проповеди творяше, яко по два и по три часа во оных упражняшеся, никакоже когда сухоты в словесех своих возиме, яко дивитися слышащим и глаголати, откуда сей таковая весть" (Барс — 64, л. 43 — 43 об.). О такой же продолжительности проповедей говорит и сочинение "О преставлении Симеона Дионисиевича": "...проповедающе часа на два, овогда же и на три" (Попов — 207, л. 132). То, что Семен Денисов говорил длинные проповеди, подтверждается и другим сообщением. Иван Филиппов в первые же годы после смерти Семена Денисова, сетуя на уход из жизни первого поколения выговских наставников, в поучении на день апостолов Петра и Павла писал: "Егда роптахом о частом и долгом произношении поучении словес благодатных, не ярость ли Владыки возгореся на нашу леность?" (Барс — 339, л. 160 об.). Агиограф перечисляет темы, избиравшиеся Семеном для поучения общежителей и скитян: содержание благочестия, добродетельное житие, целомудрие. Из литературных сочинений конкретно названы два: "Виноград Российский" и "ответствие на предложение Леонтия Федосеевича о форме креста"⁵⁰.

Ко времени конфликта со старцем Филиппом автор "Жития" относит слово Семена Денисова на текст "Бог единомысленныя вселяет в дом". Пересказ и цитация данного слова сопровождаются замечанием: "И сие слово зело пространньми словесы и расположениями простири" (Барс — 64, л. 66). После неудачных попыток примирения со сторонниками Филиппа настоятель написал еще одно слово: "Писаше же отец и слово увещательное тогда ко онем, раздирающим единство церковное"⁵¹. Около 1738 г. Семен Денисов "написа изъявление о новодействующем крещении, зело премудрыми и утвердительными наполнив доводы", и челобитную Анне Иоанновне (Барс — 64, л. 76 — 76 об.)⁵².

На основании житий Андрея и Семена Денисовых можно сделать вывод, что широкое использование письменных источников и хорошее знание литературного творчества первых наставников составляют характерную черту поздней выговской агиографии. Вычленение сведений, восходящих к предшествующим выговским сочинениям, позволяет перейти к выявлению тех тем и сведений, которые были привнесены уже самим агиографом, что весьма существенно для атрибуции памятника.

Уже в предисловии прямо заявлена тема почитания наставников (со ссылкой на слова апостола Павла), столь характерная для духовного самоопределения Выга последней четверти XVIII в. Напомним, что эта тема была подробно разработана в отдельном слове, написанном Тимофеем Андреевым около 1780 г. Автор "Жития"

Семена Денисова особо акцентирует внимание своих современников на небесном предстательстве умерших выговских отцов. Это чрезвычайно наглядно демонстрирует 12-я глава, повествующая о доносах Кузнецова и Халтурина. Излагая события по "Истории Выговской пустыни" (с прямой ссылкой на источник), агнограф специально подчеркивает, что все напасти миновали благодаря заступничеству выговского сонма: "От сего известно есть ведати, что отеческая молитва и помощь и по смерти неоскудна к Богу о нас возсылаема бывает" (Барс — 64, л. 55—55 об.).

В рассматриваемом "Житии" совершенно очевидна тенденция, подчеркивающая и оправдывающая лояльное отношение первых киноархивов к царской власти. Сообщается о посещении Андреем Денисовым царицы Прасковии Федоровны (Барс — 64, л. 34 об. — 35), о похвальном отзыве Петра I о "Поморских ответах" ("Монарх же сам прочте до пяти ответов и силу написания уразумев, не без похвалы остави" — Барс — 64, л. 38 об.), о посланиях высокопоставленным особам ("И писма зело увеличительныя как к его императорскому величеству, так и к почтенным господам пишаше, которыхя всежелательно от них принимахуся и с похвалами пред прочими прочитаемы бываху" — Барс — 64, л. 50 об. — 51). Агнограф в доказательство необходимости богомолия за царя приводит эпизод, якобы происшедший между Трифоном Петровым и лежащим на смертном одре Семеном Денисовым. Хотя рассказ этот является вымышленным, поскольку, как хорошо известно, в 1740 г. Трифона Петрова не было в Выговской пустыни (ИВП, с. 471)⁵³, тем не менее в изложении четко просматривается авторская тенденция: Трифон Петров "по прочих многих со отцем глаголах и любовных и умильных прощениях воспроси его о начатом богомолии о внешних самодержцех: не противно ли будет Священному писанию и не по малодушию ли от него сие уступлено? Он же ему представлениями ответствова: "Веси, — рече, — и сам ты, любоученнейший мужу, Священная писания, апостольская о сем заповедания, повелевающая за оных непременно молити. К сим же и многое бывшее еще при моем блаженных памяти покойном братце премудром Андрее помниши разсуждение, но смутительныя вещи прежде до сего не допустиша". И прирек еще: "Аще бы была во мне телесная сила, всяко бы о сем доводно представить мог". И прочая многая о сем, елико мощь ему послужит, с ним разглагольствова" (Барс — 64, л. 90 — 90 об.).

Примечательной особенностью "Жития" Семена Денисова является трактовка конфликта выговского киноархива со старцем Филиппом. В источниках 1740-х гг. встречаем две противоположные точки зрения на события, приведшие к саможжению Филиппа в 1742 г.: по версии, бытовавшей в филипповской среде, причина конфликта состояла во введении на Выгу молитвы за царя, против

чего резко выступил старец Филипп; выговцы придерживались другого мнения, обвиняя Филиппа в чрезмерном честолюбии и нежелании подчиниться киновиарху⁵⁴; в главе "Истории Выговской пустыни", посвященной старцу Филиппу, вообще ничего не сообщается о причине выхода его из общежития⁵⁵.

"Житие" Семена Денисова изложению истории конфликта посвящает 15-ю главу, предшествующую рассказу о начале следствия по доносу Круглого, тем самым лишая эти события причинно-следственной связи. 15-я глава носит название: "О зависти и восстании неких от братии на богомудраго Симеона ради его настоятельства" — таково объяснение сути раздора. Агиограф приводит текст "вин", поданных Филиппом против Семена Денисова и касающихся только духовных дел, а не царского богомолия (Барс — 64, л. 69 — 69 об.), и сообщает о соборе против Филиппа, состоявшемся 14 октября 1738 г. (приводя перечень лиц, подписавших соборное определение) (Барс — 64, л. 69 об.), автор "Жития" при этом опирается на документальный источник — постановление, сохранившееся в сборнике подлинных выговских уставов и документов (Зав — 3, л. 269—270). Филипп не внял голосу высшей руководящей инстанции Выговского суземка и продолжал, по словам агиографа, творить раздор: "а отца же Симеона оглаголюя, грубословно нарицаше папою и иными грубыми словесы" (Барс — 64, л. 69 об. — 70). Филипп был изгнан из собора и вышел из Выговской пустыни, попытки примирения с ним результата не дали, как не возымело следствия и увещание его духовного отца инока Давыда (Барс — 64, л. 71—71 об.), тем самым Филипп порвал все связи с Выгом и его самосожжение на Умбе отношения к общежителю уже не имело.

Свидетельством оживления в старообрядческой среде конца XVIII в. интереса к вопросу о введении богомолия на Выгу и конфликту со старцем Филиппом является окружное послание видного деятеля поморского согласия архангелогородца Андрея Ивановича Крылова, написанное им около 1791 г. и доказывающее необходимость молитвы за царя (Барс — 734, л. 398—411). В дополнение к собственным доводам А.И.Крылов прилагает к своему сочинению послание Тимофея Андреева, объясняя при этом историю его написания: "Благочестивым истинне рачителем прилагается зде письмо, писанное по умолению нашему известного ради уверения о бывших обстоятельствах древних пустыннообитателей тамошняго общежителства почтенным обитателем (ныне уже и настоятель есть он) Тимофеем Андреевичем, понеже в здешней стране велие колебание и смущение и разныя несогласныя мнения и бредни в нарицающихся христианах отцепоследователях смущают и движут верных простых души. Того деля, якоже слышахом и видехом толь нестройная бурь и смущения, сердечне поболехом о сем и по прошению благочестно

живущих отец и братии подокучихом отца Симеона Титовича, бывшего при Лексе настоятеля, добродетельного и всечестного мужа, еже бы потщался известити нам о бывших в древности случаях при начатии общежития и о Филиппе писанием прочих ради наших собратии. Он же благий муж се самое изобразити повеле живущему с ними тогда собрату Тимофею Андреевичу прозванием Серебренникову" (Барс — 734, л. 410—410 об.).

Названное послание Тимофея Андреева, датированное 15 июня 1790 г.⁵⁶, представляет для нас большой интерес, поскольку имеет несколько точек соприкосновения с "Житием" Семена Денисова. Излагая историю вопроса о богомолии за государя, Тимофей Андреев говорит, что в первые "нужные" годы общежительства, "кая им нужда, какое бяше моление за внешния власти заводити, и аще и читаху, читаху тропарь более на победу врагов своих читаху" (Барс — 734, л. 411 об.). Позже, когда киновия обустроилась, настоятели Андрей и Даниил "тогда начаху рабом своим в тропаре глаголати. А нецыи победу царю нашему, а инии иначе, тогда у сего Андрея премудраго и брата Симеона великоученнаго многое бяше с прочими любоучеными мужи о сем разсуждение и различно о сем разглагольствоваху. Сии же великоучении мужие вяще слагяхуся и тогда моление начати и правилне быти сие и законне определяху, но за матерелость в неких не по разуму ревности сему преградою творящеся. Сего ради и сии мужие, яко велий искус имеяху во всех поступках, не дерзаху безвременно помутити тогдашнее спокойствие, обаче сие предприцаху: "Будет,— реша,— и такое время, что и по нужде сие примется..." (Барс — 734, л. 412). Аналогичные рассуждения встречаем и в "Житии" Семена Денисова. В главе 17 автор сообщает о том, что ввиду приезда комиссии Квашнина-Самарина "положиша в тропарех, кондаках и в стихах поминати и молити за императорское величество", и тут же добавляет: "Было же и прежде о сем многое разсуждение у отца Андрея Дионисиевича и у сего настоятеля Симеона с прочими, что достойно бы по закону апостольскому молити за внешних государей, но сие сотворити без нужды не изволиша, опасаящеся безвременнаго от братии колебания. Нецыи же тогда от пустынножителей по печати читаху тропари, как напечатано, инии же инако" (Барс — 64, л. 76).

Подобно тому, как в "Житии", конфликт с Филиппом никак не связывается с принятием богомолия, так и в послании Тимофея Андреева прямо указывается: "Филиппово отлучение не тогда учинися, якоже неким вознепщевася, но прежде сего около трех лет, якоже соборное письмо за всеми руками, в чем Филипп старец Симеону Дионисиевичу не согласился, свидетельствует. С его же самособственного я, списав, тебе предлагаю" (Барс — 734, л. 414 об.). Далее следует полная копия соборного постановления от 14 октября 1737 г., т.е. того самого, которое — за исключением одного пунк-

та — приводил и автор “Жития” (Барс — 64, л. 69–69 об.). Тимофей Андреев также говорил о непокорстве Филиппа, который “многая злоречия на отца метая” (Барс — 734, л. 416). Данный эпизод в “Житии” изложен с большими подробностями: сообщается о самовольной поездке Филиппа в Лумбушский скит, его нежелании подчиниться соборным постановлениям, приводятся его “грубые словесы” (Барс — 64, л. 70). Рассказ о попытках примирения в обоих сочинениях совпадает, иногда почти дословно:

**“Послание”
Тимофея Андреева**

Живяше же на Лексе, Семен же Дионисиевич, якоже самобывши ныне поведают, приехав к нему со отцем Феодосием старцем, много его увещеваше устави́тися от такового колебания. Он же нима́ло сему внима́ше, но и еще самопоставленным его на настоятельство порица́ше. Симеон же, яко не веда́ше, к братии обраща́ясь, глаголаше: “Вы весте, братия, како аз определен кормчием быти?” Братия же готовый лист имейху избрания на настоятельство его, на нем же руки общежителнии и скитский приложени быша и сего старца Филиппа рука приложена быше, иже тогда белцем бяше, Фотий Васильев нарица́шеся. И повелен бысть честися. Егда же донде до того места: “Фотий Васильев руку приложил”, тогда прекроткий отец ему, Филиппу, вогласи: “Сия рука, отче, от кого приложена суть?” Он же противу нелепая глаголаше: “Аще и моя, но я, но я от оныя отрицаюся. Да и Максим де исповедник приложил руку, но от нее отрекся”. И иная многая, грубоумствуя, глаголаше. Отец же Симеон многая ко увещанию его изъглагола, обаче исцелити вреды его не можаше. Последи же Филипп не закосне и изыде из общежителства, еще за два года или вышше до приезда Самарина, и поселися в ските Надеждине и много от прочей братии увещаем бе, не послуша (Барс — 734, л. 416–416 об.).

“Житие” Семена Денисова

Богомудрый же Симеон, хотя погасити возгоревшийся в нем дух, приеха на Лексу со отцем Феодосием и повеле призвати страца Филиппа на Лексу. И последи братския трапезы в неделю под вечер и при всей братии последи трапезы нача онago увещевати. Он же не точию не покаря́шеся, но и оглагола: бе его отеческое предводительство якобы по самовольству кроме братскаго соизволения восприятое. Отец же, яко не ведый, вопроша́ше братию, как он сию должность восприя. Братия же имейху на то у себе от всего выгорещкаго как монастырьскаго, так и скитскаго избрания рукоприкладованный лист, который отец чести повеле. В нем же и сего непокорника рука приложена. Услышася: “Фотий Васильев подписуюсь” (еще ему белцем тогда бывшу), братия же его вопросиша: “Отче, чия есть сия рука приложена суть?” Он же отве́ща: “Аще и моя, обаче аз тому не последую”. И некия грубоумности тогда тамо приглашая бе. Видев же отец и прочии с ним онago в таком неперложном намерении, оставиша его на изволении. Он же отиде паки в Надеждино и более наносити зазоры, отлучая от общества легкомысленныя люди и присвояше к своему согласию. Много же после от отца Симеона, тако же и от прочих братии увещаем и молим бяше (Барс — 64, л. 70 об. — 71 об.).

Документ об избрании Семена Денисова на настоятельство, о котором идет речь в данном отрывке, неизвестен. В сборнике Зав — 3 его нет, в “Истории” Ивана Филиппова также нет намека на его существование: Даниил Викулин перед смертью словесно передал Семену настоятельство (ИВП, с. 252–253), хотя возможность такого соборного постановления категорически отрицать нельзя, поскольку все источники указывают, что младший Денисов возглавил пустынь по принуждению братии (Попов — 207, л. 113; Ег — 425, л. 63 об.; Барс — 64, л. 41–41 об.), и, кроме того, имелся прецедент — именно так, соборным постановлением, был избран киновиярхом в 1702 г. Андрей Денисов (Зав — 3, л. 19–23). Как бы то ни было, но примечательно, что о существовании документа, подтверждающего избрание Семена, говорится не только в послании Тимофея Андреева, но и в “Житии” Семена Денисова.

Сравнительный анализ двух поздних сочинений — послания и “Жития” — не обнаруживает между ними какой-то прямой текстовой зависимости, но вместе с тем указывает, что их авторы располагали одними и теми же сведениями, отразившимися в этих сочинениях в разном объеме (одни события более подробно изложены в эпистолярном произведении, другие — в агиографическом). На наш взгляд, наиболее логичным объяснением этого факта может быть только предположение, что автором послания и “Жития” было одно и то же лицо. Оставляя высказанную гипотезу в качестве рабочей, продолжим рассмотрение названных памятников.

Тимофей Андреев свое послание А.И.Крылову заканчивает указанием на достоверность использованных им источников: “Нам же трудившимся в сиевом историописании благожеланием вашим да наградиша, понеже праведне, аще и вкратце, сия написахом, что видехом начертанная от праведных мужей или от них слышахом, кроме всякаго примешения. Я сие читал и Симеону Титовичу, который при многих сих деяниях был и слышал” (Барс — 734, л. 417). Совершенно очевидно, что Тимофей Андреев был близок лексинскому настоятелю Симеону Титовичу, которого он сменил на этом посту (после его смерти в 1791 г.). Напомним некоторые факты биографии Семена Титова, подробно рассмотренные нами ранее. Он застал еще настоятельство Семена Денисова, которому был предан настолько, что использовал всякую возможность “напитаться от него духовной мудрости”: “недремлющими очима и откровенными ушесы” слушал его чтение и поучение, устраивался к нему возницей и келейным служителем, когда тот приезжал на Лексу (Барс — 907, л. 37). Вполне естественно, что такое почитание и уважение к Семену Денисову и, главное, рассказы о нем Семен Титов передал своему ученику — Тимофею Андрееву. В этой связи нам не покажется удивительным, что все новые сведения, вошедшие в “Житие” Семена Денисова в добавление к письменным источникам, касаются исключи-

тельно Лексинского общежителства и изложение большинства этих подробностей, безусловно, восходит к рассказам очевидца.

10-я глава "Жития" "О правительстве богомудраго Симеона, о тцании и о подвигах его" посвящена его первоочередным заботам в должности настоятеля. Проявляя исключительную заботу о церковном благочинии, Семен Денисов "всюду назирая сам, осматриваше не точию в монастыре брацком, и на Лексу часто ездя, братию и сестр наказуаше" (Барс — 64, л. 42 об.); "учаше и постниц о всех добродетельных исполнениях зело прилежно, последи же обращая ко иконе Спасителевой и Пречистыя Богородицы и прочим святым, простираше с великим усердием слово свое <...> и толь умиленно и плачевно сие глаголаше, яко всем постницам реки слез проливати" (Барс — 64, л. 44). Описание престольного лексинского праздника содержит интересные подробности жизни тех лет: "В праздник же Рожества святаго великаго в пророцех Иоанна Предотечи полкам народов приходящим на Лексу, тамо оной обретаешся всегда, поучая всех благочестию и добродетелем в постническом девическом соборе. Устрояху ему среди ограды высокое место, на нем же сей премудрый пастырь словесныя овцы наставляя, поучаше весьма пространно..." (Барс — 64, л. 44—44 об.). Когда в "Житии" говорится об уставных сочинениях настоятеля, то вновь особое внимание обращается на статьи, наиболее актуальные для женского общежителства — о "девственном житии", причем Семен Денисов и сам всегда опасался подать соблазн: "Егда бо случашеся или во ограду итти или на службу, без старейших никакоже хождаше. Такоже когда приходяше к сестре своей Соломонии ради управлений неких, то растворяше ея чюлан, да всем зримо явится его беседование" (Барс — 64, л. 46). Говорится, что Семен Денисов строго наказывал нарушителей целомудренных законов: "Глаголют же самовидители, яко высоче о сем брата своего поступаше: погрешителей же в том без наказания не оставляше, аще и с кротостию, обаче наказоваше, прекословящих же и непокаряющихся и жестоце наказоваше" (Барс — 64, л. 48). Автор "Жития" подробно останавливается и на встрече Семена Денисова в девичьем монастыре, когда он возвратился из заточения в 1739 г. (Барс — 64, л. 87—87 об.).

Еще один эпизод "Жития" заставляет нас вспомнить послание Тимофея Андреева. В агнографическом сочинении рассказывается случай, который произошел в Березовском скиту: чудесным образом была явлена "преглубочайшая премудрость" Семена в беседе такими авторитетными выговскими книжниками и начетчиками, каковыми были его брат Андрей и Михаил Вышатины (Барс — 64, л. 24—24 об.). Как уже можно было судить по "Житию" Андрея Денисова, источником рассказов, связанных с Березовкой и Михаилом Вышатиным, был Матфей Елифанович Поздняков. По всей видимости, именно он и поведал автору "Жития" Семена Денисова приведен-

ный выше эпизод. Послание Тимофея Андреева подтверждает факт их знакомства: "Свидетельствовал мне и покойный Матфей Епифанович, когда он во младых летах жил на Березовке. Прилучися быти с прочими на трапезе со отцем Андреем Дионисьевичом, то же утверждение слышал, еже законнее молити по апостольскому завету за внешния власти" (Барс — 734, л. 413).

С Тимофеем Андреевым может быть связан фрагмент главы 16 о явлении, бывшем Ивану Филиппову в шунгском заключении. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в "Житии" одни и те же события описаны дважды. Иван Филиппов стал свидетелем обвинений, которые высказали Семену Денисову некоторые из узников⁵⁷:

**"Житие" Семена Денисова
1-й вариант описания**

...рекоша к приснопоминаемому Симсону, яко сия вся терпим и страждем ради приятия вместившихся у нас чюжестранных обитателей, их же вы слабостию своею населисте. Что же противу того Моисея древняго подражатель, восплаков, глаголаше: "Или аз, братие, вся сия населях?" (Барс — 64, л. 84 об.).

**"Житие" Семена Денисова
2-й вариант описания**

...глаголюще: "Сия убо страждем, отче, ради вашей слабости, что вы населисте всяких во отеческом месте". Отец же, прослезився, глаголаше: "О братия! Еда ради нашей слабости, якоже глаголете, вси собратятся, и вы, не Бог ли всех призван? Но всяк имеет свое произволение во благом или во злом жити" (Барс — 64, л. 85 об.).

Как видим, второй вариант текста дает диалог в более смягченном виде.

Ивану Филиппову в "тонком сне" явился Захарий Стефанов Дровнин (умер 9 мая 1737 г.) и предсказал скорое освобождение заложников:

**"Житие" Семена Денисова
1-й вариант описания**

Сведеса абие в сон тонок и слышит под оконцем некотораго толкущагося. Он же, яко бе наяве сия мня быти, скочив, зряще во оконце оно и абие узре Захарю <...> иже глаголаша Иоанну: "Есть ли в пристанищи зде при брезе ладийца, в ней же нам преехати чрез озеро Онего?" Иоанн же ладийцу в пристанищи быти ему сказа, его же вопросы, глаголя: "С кем ты зде, брате Захарие, и откуда идеши?" Он же глагола ему: "Мы вси зде (назначаю с собою быти всех выговских святопочивших отец) и идем из Петербурга

**"Житие" Семена Денисова
2-й вариант описания**

Что же Господь Бог, дивный в чюдесех, творит? Показует оному Иоанну скорое освобождение быти: является ему в видении Захарий <...>. Зрящеся оному Иоанну, яко бы пришедш ко оконцу и вопрошаше, есть ли на Онегию, ладийца преезати на онпол Онега (понеже темница недалеко разстояше от езера Онега). Он же не ведети, глаголаше и познав его Захария быти, вопрошаше: "Где был еси, брате Захарие, и камо грядеши?" Он же рече:

в дом свой, яко отнелиже вы яти бысте, оттоле до сего дне ходихом просити о избавлении вашем, которое вам скоро будет". И сия рек, прощением приход свой разрешив, глагола: "Непраздность нам есть велика, да успеем во обитель к празднику" (тогда бо приближающуся дние, носящии торжество Сергия чудотворца и девственника Иоанна и Саватия, Соловецкому отоку перваго насельника). И сия рек, невидим бысть. Иоанн же, ощутився, поведа сия отцу Симеону" (Барс — 64, л. 85 об. — 85 об.).

"Были есмы в Петербурге, ходатайствующе о вас, иже скоро свободени будете. Ныне же спешимся на праздник Сергия чудотворца в Богоявленской монастырь на Выг". И так оный Иоанн, возбнув, размышляше свое видение, известуя ту всем сидящим (Барс — 64, л. 85 об. — 86).

Совершенно очевидно, что второй вариант описания всего эпизода представляет собой свободный пересказ первого, который, как оказывается, является фрагментом, дословно заимствованным из другого сочинения — "О явлении Захарии Иоанну, выговскому общжителю, в лето 7247"⁵⁸ (Ср.: Друж — 486, л. 50 об. — 52). Это произведение входит в подборку чудес, относящихся к 1730—1740-м гг. и имеющих преимущественно антифилипповскую направленность⁵⁹. Сохранилось два полных выговских списка этой подборки: один (Друж — 113, л. 54 об. — 60 об.) на бумаге в белой дате "1786"; другой (Друж — 486, л. 49—63 об.) — конца 70-х — первой половины 80-х гг. XVIII в.⁶⁰ и писан скорописью Тимофея Андреева, причем в этом сборнике находится также черновой автограф сочинения Тимофея Андреева "О времени и летах явления антихристов"⁶¹.

Как нам представляется, первоначально текст 16-й главы "Жития" Семена Денисова содержал вариант, названный вторым, — пересказ чуда, которое агнографу было хорошо известно. Указание на Божественный промысел и заключительная фраза о том, что Иван Филиппов поведал свое видение всем узникам (а не только Семену Денисову), в гораздо большей степени отвечают дидактическим задачам агнографического повествования. Затем составитель почему-то решил дать дословную выписку из источника. Сличая текст главы "Жития" с чудом "О явлении Захарии...", можно обнаружить стык. На границе обоих вариантов в "Житии" стоит малопонятная фраза: "Иоанн же, ощутився, поведа сия отцу Симеону. От братин стужиша во оном седении, начаша отца укаряти, глаголюще..." (Барс — 64, л. 85 об.). Первое предложение завершает цитацию из чуда (Ср.: Друж — 486, л. 51 об.), вставка была сделана во второе предложение, после подлежащего "нецыи", которое при этом оказалось в начале всего эпизода, открывая собой обширную цитату:

“О явлении Захарии...”

Пред тем же избавления их днем седящи с помянутым отцем Симеоном узницы, сокрушаеми опасным воинов блюдением, рекоша...

Иоани же ощутився, поведа сия отцу Симеоу и в третий день по видении том вси седящи в тых томнених освобождени быша

“Житие” Семена Денисова

Нецыи же от седящих со отцем Симеоном узницы сокрушаеми опасным воинов блюдением, стуживше, рекоша...

Может быть, правка была внесена недостаточно ясно, и переписчики в результате оставили оба варианта рассказа об одном и том же чуде.

Тимофею Андрееву были близки темы, которые затрагивает “Житие”. Недовольство некоторых выговцев тем, что наставники населили “во отеческом месте” “чюжестранных” и “всяких” (Барс — 64, л. 84 об., 85 об.) могло касаться самого писателя: он пришел на Выг только в конце 1770-х гг., уже на четвертом десятилетии⁶², и в сознании исконных выговцев относился именно к этой категории. Другая тема связана с обличением склонности к новомодной одежде. Первым мероприятием Семена Денисова как киновиарха названо в “Житии” “истребление новозатеянных покровов” (“возимеша бо обычай в постническом девическом собрании широчайшия подолия устроевати”): “Он же с великим восторгом се испраздни, в его бо предводительство зело всяких прелестных красновидных одежд и покровов ухищрение испражняемо бе” (Барс — 64, л. 42 об.). Действительно, в выговском архиве сохранилось особое определение об одеждах постниц, написанное рукой Семена Денисова (Зав — 3, л. 179–179 об.)⁶³, но известно также, что эта тема беспокоила и Тимофея Андреева, автора “апологии о неношении платья, устроенного по форме иноземцев”⁶⁴.

Таким образом, целый ряд обстоятельств: преимущественное внимание к Лексинскому общежителю, знакомство с Симеоном Титовичем и Матфеем Епифановичем, близость многих фрагментов “Жития” к тематике сочинений Тимофея Андреева — позволяют предполагать, что именно он и явился автором агнографического повествования о Семене Денисове. Кроме того, последние разыскания в области выговской рукописной книжности весьма существенно расширили наши представления о творчестве этого писателя. В указателе Дружинина названо 21 его сочинение (12 из них только со ссылкой на П. Любопытного)⁶⁵. В этом перечне преобладают произведения полемического характера, но Тимофей Андреев писал и в других жанрах, более близких к агнографическому. Ему принадлежат (авторство подтверждается черновыми автографами) слова воспоминательные (Андрею Денисову, выговским наставникам), похвальные

(иноку Корнилию), на церковные праздники (четыре слова для Поморского Торжественника) и выговские события (на построение больницы) (Барс — 616.1, л. 75—110 об., 141—170). Все названные сочинения написаны около 1780 г. и являют нам уже вполне сложившегося писателя. Поэтому позже (в 1790-е гг.), по примеру Андрея Борисова, он мог взяться и за столь серьезный труд, как “Житие” Семена Денисова.

Еще одним памятником поздней выговской агиографии является “Житие” Ивана Филиппова. Оно было издано и проанализировано Н.С.Гурьяновой⁶⁶, поэтому мы ограничимся несколькими замечаниями, касающимися общей картины литературного процесса на Выгу. Это сочинение не было написано “вскоре после смерти” Ивана Филиппова в 1744 г.⁶⁷, оно появилось не ранее 1759 г., когда при захоронении Мануила Петрова были обретены нетленные мощи Ивана Филиппова. Других хронологических привязок текст “Жития” не содержит, но, без сомнения, к 1790 г. произведение уже существовало, поскольку Тимофей Андреев в послании А.И.Крылову, ссылаясь на “Историю Выговской пустыни”, замечает: “Какоже общественне приися моление о том (за внешние власти.— Е.Ю.), доказывает в своей истории пишуш о действиях общежителных Иоанн Филиппович, муж бывый по всему свят и праведен, якое и по смерти засвидетельствуется его святость нетлением телеси” (Барс — 734, л. 413—413 об.). Таким образом, написание “Жития” Ивана Филиппова следует отнести к 60—80-м гг. XVIII в. Как видно из анализа поздних текстов и рукописной книжности Выга, это агиографическое сочинение осталось на периферии старообрядческой культурной традиции: в других сочинениях оно не упоминается, переписывается же достаточно редко, что можно объяснить рядом причин. Иван Филиппов не был столь популярным деятелем Выга, как братья Денисовы; он упоминается лишь в общем ряду киновиярхов; жизнеописание Ивана Филиппова ограничивается событиями личной биографии героя (и то выборочно) и не содержит такой широкой картины истории киновии, как “Жития” Андрея и Семена Денисовых. Если говорить о жанровых канонах, приверженность к которым отличает творчество выговских книжников, воспитанных на учебниках риторики и своей богатейшей библиотеке, то “Житие” Ивана Филиппова не может быть отнесено к высшим достижениям выговской школы: в сочинении недостает панегирического обрамления основной части и описания заслуг Ивана Филиппова перед общежительством (как стряпчего и киновиярха). Как верно заметила Н.С.Гурьянова, перед нами биография частного человека.

Агиографическую традицию на Выгу во второй половине XVIII в. более полно характеризуют жития Андрея и Семена Денисовых, продолжающие ранние опыты выговских книжников, такие, как жития инок Корнилия (редакция Трифона Петрова), Кирилла

и Епифания, Геннадия Боровского. Создание агиографических сочинений, посвященных знаменитой "самобратии", явилось прямым следствием возрождения духовной жизни пустыни; в них нашли отражение ведущие идеи этого периода выговской истории, сформулированные во вступительных обращениях к читателям и воплощенные в образах главных героев. В этих сочинениях история пустыни соединялась с описанием жизненного пути ее первых киновиархов.

Агиографический жанр, генетически восходящий к античной биографии, в условиях Нового времени как бы возвращается к своей первооснове, трансформируясь в описание жизни отдельного человека, биографический очерк. Однако русская литература XVIII в. еще сохраняла переходную форму, когда жанр приобретал светское содержание, но оставался дидактическим по своей направленности. Предмет такой исторической биографии XVIII в. составляет не "история одного человека", но жизнь крупного государственного или военного деятеля, служащая потомкам образцом для подражания⁶⁸. Таковы, к примеру, "Житие Франца Яковлевича Лефорта" И.И.Виноградова (1799), "Житие Федора Васильевича Ушакова" А.Н.Радищева (1787), "Житие Петра Великого".

Выговские жития братьев Денисовых вполне могут рассматриваться в русле этой общелитературной тенденции. Их герои воспринимаются не только как место чтимые святые, но и как деятели старообрядческой истории, поэтому столь обширен в этих сочинениях пласт исторического повествования. Примечательно, что поздние выговские писатели решили посвятить свой "любособрания" труд тем наставникам пустыни, которые сочетали в своей деятельности дела светские и духовные, оставив без внимания других, не менее известных, но не выходивших за рамки сугубо духовной сферы, как, например, Даниил Викулин или Петр Прокопьев. "Житие" Ивана Филиппова отразило иную тенденцию — интерес к судьбе конкретного человека.

Анализ агиографических текстов позволяет охарактеризовать "творческую лабораторию" древнерусского книжника, каковым по своей сути оставался старообрядческий писатель. И Андрей Борисов, и Тимофей Андреев (по нашему предположению) тщательно проработали имевшиеся в их распоряжении письменные источники — "Историю Выговской пустыни" и надгробные и воспоминательные слова о первых киновиархах, из которых они позаимствовали основную сюжетную канву и описания ряда событий; обширная цитация перемежалась при этом с пересказом оригинала. В дополнение к сведениям, почерпнутым в сочинениях современников братьев Денисовых, писатели последней трети XVIII в. собрали все, какие еще было возможно, рассказы непосредственных очевидцев и устные предания, бытовавшие в среде братии. В этой части повествования поражает отчетливая историческая память выговских обитателей, за-

печатлевшая мельчайшие подробности характера и бытового поведения наставников. Творческая история "Жития" Андрея Денисова вновь указывает нам на существование на Выгу практики коллективного творчества, когда писатель пользовался подготовительными материалами, полученными им от своих литературных сотрудников. Подобные примеры известны в отношении Семена Денисова и Ивана Филиппова, но, оказывается, их дает и поздняя выговская литература.

Первые киновиархи пользовались особым почтением выговцев на протяжении всей истории пустыни. Вокруг их имен группировался целый комплекс памятников литературы, изобразительного и прикладного искусства. Рисованный лубок, книжная миниатюра, икона живописная и меднолитная (с изображением тезоименных святых), церковная служба дополнялись житием и воспоминательными словами. Новые поколения пустынножителей воспитывались на этих образцах служения старой вере, воспринимая их жизнь и подвиги в неразрывной связи с историей общежительства.

Принятые сокращения

Барс — 5 — РГБ. Собр. Барсова. № 5. Переписная книга старообрядцев мужского и женского пола Выгорецкого общежительства. 1744—1748 гг.

Барс — 60 — РГБ. Собр. Барсова. № 60. Сборник надгробных слов выговским наставникам. Середина XIX в.

Барс — 64 — РГБ. Собр. Барсова. № 64. Житие Семена Денисова. Середина XIX в.

Барс — 156 — РГБ. Собр. Барсова. № 156. Житие Андрея Денисова. 80-е гг. XVIII в.

Барс — 187 — РГБ. Собр. Барсова. № 187. Составная рукопись. Середина XVIII — начало XIX в.

Барс — 339 — РГБ. Собр. Барсова. № 339. Поморский Торжественник. 40-е гг. XVIII в.

Барс — 388 — РГБ. Собр. Барсова. № 388. Составная рукопись. Вторая половина XVIII — начало XIX в.

Барс — 415.3 — РГБ. Собр. Барсова. № 415.3. Слово на день тезоименитства Андрея Борисова от жителей Чаженгского скита. 80-е гг. XVIII в.

Барс — 512 — РГБ. Собр. Барсова. № 512. Слово надгробное М.Е.Позднякову. 20-е гг. XIX в.

Барс — 616.1 — РГБ. Собр. Барсова. № 616.1. Сборник сочинений Тимофея Андреева. 80-е гг. XVIII в.

Барс — 680 — РГБ. Собр. Барсова. № 680. Составная рукопись второй половины XVIII — первой половины XIX в.

Барс — 734 — РГБ. Собр. Барсова. № 734. Сборник. 20-е гг. XIX в.

Барс — 907 — РГБ. Собр. Барсова. № 907. Сборник. Конец XVIII — начало XIX в.

Брат — 17 — РГБ. Собр. Братства св. Петра митрополита. № 17. Составная рукопись. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в.

- ВЛ — Выговский летописец (изд.: Братское слово. 1888. № 10).
- ВР — Виноград Российский (изд.: Денисов С. Виноград Российский. М., 1906).
- Друж — 53 — БАН. Собр. Дружинина. № 53. Житие Андрея Денисова. 80-е гг. XVIII в.
- Друж — 113 — БАН. Собр. Дружинина. № 113. Сборник. 80-е гг. XVIII в.
- Друж — 486 — БАН. Собр. Дружинина. № 486. Сборник. Конец 70-х — первая половина 80-х гг. XVIII в.
- Друж — 647 — БАН. Собр. Дружинина. № 647. Сборник с Житием Семена Денисова. Первая четверть XIX в.
- Друж — 659 — БАН. Собр. Дружинина. № 659. Житие Андрея Денисова. 80-е гг. XVIII в.
- Друж — 757 — БАН. Собр. Дружинина. № 757. Житие Андрея Денисова. 20-е гг. XIX в.
- Друж — 960 — БАН. Собр. Дружинина. № 960. Житие Андрея Денисова. 1885 г.
- Друж — 971 — БАН. Собр. Дружинина. № 971. Житие Андрея Денисова. 20-е гг. XIX в.
- Друж — 985 — БАН. Собр. Дружинина. № 985. Житие Семена Денисова. Середина XIX в.
- Ег — 425 — РГБ. Собр. Егорова. № 425. Сборник. Первая половина XVIII в.
- Ег — 682 — РГБ. Собр. Егорова. № 682. Сборник. 20–40-е гг. XVIII в.
- Ег — 1168 — РГБ. Собр. Егорова. № 1168. Сборник надгробных слов выговским наставникам. 10-е гг. XIX в.
- Ег — 1311 — РГБ. Собр. Егорова. № 1311. Сборник надгробных слов выговским наставникам. 80-е гг. XVIII в.
- Ег — 1992 — РГБ. Собр. Егорова. № 1992. Сборник. Первая половина XVIII в.
- Епарх — 659 — ГИМ. Епархиальное собрание. № 568. Мануил Петров. "О молении за царей". 1742 г.
- Есипов. — Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1861. Т. 1–2.
- Зав — 3 — ИРЛИ. Колл. Заволово. № 3. Выговский чиновник. Первая половина XVIII в.
- ИВП — Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.
- Клепиков. I. — Клепиков С.А. Филигранные и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1956.
- Мазур — 1322 — РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1322. Послание Семена Денисова Феофану Прокоповичу. 30-е гг. XVIII в.
- ОЛДП. Q.60 — РНБ. Собр. ОЛДП. Q.60. Житие Андрея Денисова. Конец XVIII — начало XIX в.
- Погод — 1276 — РНБ. Собр. Погодина. № 1276. Житие Андрея Денисова. 20-е гг. XIX в.

Попов — 207 — РГБ. Собр. А.Н.Попова. № 207. Сборник. Первая половина XVIII в.

Увар — 344 — ГИМ. Собр. Уварова. № 344, 4°. Житие Андрея Денисова. 80-е гг. XVIII в.

Увар — 817 — ГИМ. Собр. Уварова. № 817, 4°. Житие Андрея Денисова. 10-е гг. XIX в.

Увар — 1062 — ГИМ. Собр. Уварова. № 1062, 4°. Житие Андрея Денисова. Середина XIX в.

Яковлев — Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово. 1888. № 1–9.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обоснование этой новой атрибуции см.: Понырко Н.В. О том, кто был автором Жития боярыни Морозовой // Житие протопопа Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой / Изд. подготовлено Н.В.Понырком. СПб., 1994, с. 212–218.

² Понырко Н.В. Выговская литературная школа в первой половине XVIII столетия: Автореф. ... канд. филологич. наук. Л., 1979. С. 16–22.

³ См. работы последних лет: Понырко Н.В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРА. Л., 1974. Т. XXIX. С. 154–169; Карманова О.Я. Об одном из источников выговского Жития инока Епифания // ТОДРА. СПб., 1996. Т. XLIX. С. 410–415; Брежневский Д.Н. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРА. Л., 1979. Т. XXXIII. С. 127–141; Он же. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции и его литературная история // ТОДРА. Л., 1983. Т. XXXVII. С. 269–285; Он же. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 62–107; Маркасова Е.В. Стилистические особенности использования архаичных глагольных форм в Житии Корнилия Выговского // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск, 1990. С. 88–94; Sullivan J. Manuscript of Simeon Denisov's *The Russian Vineyard* // The Slavonic and East European Review. 1980. Vol. 58. № 2. P. 182–194; Он же. Problems of Textual Analysis in Simeon Denisov's *Vinograd rossiiskii* // The Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. № 3. P. 401–417; Юхimenko Е.М. "Виноград Российский" Семена Денисова (текстологический анализ) // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 249–266.

⁴ Дружинин В.Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911. С. 30. Дружинин говорит об Андрее Борисове как о биографе Андрея Денисова: "Ему, однако, принадлежит большое число сочинений: Житие А.Денисова и едва ли не Житие С.Денисова. То и другое сочинение обличают в нем писателя искусного в риторике" (там же. С. 30).

⁵ Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 62–63, № 3; С. 159, № 109.

⁶ Гурьянова Н.С. Поморские исторические сочинения XVIII в. // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 93; Она же. Проблема исторического повествования в интерпретации писателей выговской литературной школы // Известия СО АН СССР. Серия: История, философия, филология. Новосибирск, 1991. Вып. 3. С. 14–18; Она же. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1997. С. 56–58, 172.

⁷ Grumme R. The Cultural Worlds of Andrei Borisov // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 54. Berlin, 1998. P. 65–70.

⁸ Дружинин В.Г. Писания... С. 130, № 196.

⁹ Почерк Андрея Борисова устанавливается нами по его подписному автографу: Брат — 17, л. 91. Поздравительное письмо Андрея Борисова Прасковии Феоктистовне Долгой от 28 октября 1790 г.

¹⁰ В первоначальной редакции слова упоминались “пожары спервоначально многия”, Андрея Борисов внес сюда исправления и добавление: “пожары первоначальныя многия и нынешния великия” (РНБ. Q.I.1083. Л. 46). Была исправлена начальная фраза: “Колико волн, колико бурь, колико наводнений разных на искоренение их (общежителств.— Е.Ю.) от рыкающего левски не воздвизашеся”. В окончательном варианте она стала выглядеть следующим образом: “Колико пламенных огней, колико свирепых волн, колико престрашных бурь, колико ужасных наводнений и разорений разных... не воздвизашеся” (РНБ. Q.I.1083. Л. 46).

¹¹ Эта глава писана на бумаге с филигранью “Pro Patria” с девизом и литерами RI и королевским шифром GR — типа: Клепиков, Кукушкина, 1973. № 593 (1784).

¹² Дружинин В.Г. указывает, что один из списков его собрания писан на бумаге 1783 г. (Дружинин В.Г. Писания... С. 63). Это действительно так, однако припереплетные листы рукописи имеют белые даты “1787”, “1789” (Друж — 53, старый № 47). Рукопись Увар — 344 писана на бумаге с белой датой “1787”, Друж — 659 — “1788”; Барс — 156 имеет припереплетные листы с белой датой “1787”. Другие списки поздние: ОЛДП. Q.60 (конец XVIII — начало XIX в.), Увар — 817 (1810-е гг.), Погод — 1276, Друж — 757, 971 (1820-е гг.), Увар — 1062 (середина XIX в.), Друж — 960 (1885 г.).

¹³ Например: “Пострада отец Пимин с прочими своими собранными с двою тысящи без мала лета от мироздания 7195 года августа” (Друж — 659, л. 14); “Петра П[рокопьевича] и Соломонию взяли отцы во общее житие лета от мироздания 7200 года октября в первых числах” (Друж — 659, л. 28 об.); о иноке Пафнутии — “Поживе во общежителстве семь лет и скончася о Господе” (Друж — 659, л. 35 об.); о смерти Матфея Епифановича — “Лета от мироздания 7290, а от Рождества Христова 1782 июня 24” (Друж — 659, л. 55 об. — 56).

¹⁴ О первых годах общего жития: “И собрашася вси на место, где ныне часовня и столовая, и певше молебн и начаша бревен сеци валнягу и около того места близ на строение монастыря” (Друж — 659, л. 31 об.); “А дороги с волостей к ним в пустыню тогда еще не было, на лыжах с керезами хождаху” (Друж — 659, л. 41); о первых постройках: “Кониной двор на братской стороне, а коровей на другой стороне у сестр” (Друж — 659, л. 42).

¹⁵ Например, к тексту “взяв прощение у старца” делается дополнение: “или у настоятеля или у еклесиарха” (Друж — 659, л. 36); в тексте говорится о том, что устроили “келейду малую”, на полях уточняется: “То есть привратну” (Друж — 659, л. 37).

¹⁶ Данный фрагмент был внесен в текст (также с пометой киноварью “Пространнее”) только писцом Барс — 156 (л. 34–35); в других списках фрагмент оказался утраченным.

¹⁷ Стихотворных произведений Андрея Борисова нам не было известно, однако на его несомненный интерес к этой области литературного творчества указывает то, что среди предпринятых им и его сотрудниками грамматических и риторических штудий имеется разбор стихотворных размеров (Барс — 187, л. 169–169 об., на л. 170 об. — автограф Андрея Борисова).

¹⁸ 1787–1790 гг. были очень напряженными для Андрея Борисова, вынужденного все свои силы сосредоточить на ликвидации последствий пожара. И все-таки время для литературных занятий у него находилось. В 1788 г. по случаю восстановления храмов им было произнесено три обширных слова (Дружинин В.Г. Писания... С. 63–64, № 5–7). Что касается “Жития” Андрея Денисова, то, возможно, оно было почти готово, поскольку сбор материалов и работа над ним велись уже почти два десятилетия.

¹⁹ Схема греческого похвального жития, которой следовали и древнерусские агиографы, описана Х.М. Лопаревым. См.: Лопарев Хр.М. Греческие жития святых VIII и IX веков. Пг., 1914. Ч. 1. С. 15–36.

²⁰ С этой точки зрения проанализировано “Житие” Семена Денисова Н.С. Гурьяновой. См.: Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1997. С. 56–58.

²¹ Подробнее об отношении Андрея Денисова и Андрея Борисова к внешней власти и их сочинениях на эту тему см.: Юхименко Е.М. Самодержавие и правовое в литературе выговского старообрядчества // *Pisarz i władza (od Awakuma do Solżenicyna)*. Łódź, 1994. S. 34–41.

²² Иван Герасимов Черной, стряпчий, бывший келейник Андрея Денисова, в середине 1740-х гг. жил в Березовском скиту (Яковлев, с. 471, 473). Иван Герасимов родился около 1696 г., по I переписи числился в Выговском общежительстве, по II — в Шелтопорожском скиту, умер в 1758 г. (РГАДА. Ф. 350, оп. 2, д. 2373. Л. 9 об.; Ф. 288, оп. 1, д. 964. Л. 213 об.; Ф. 350, оп. 2, д. 2422. Л. 47).

²³ См.: Дружинин В.Г. Поморские палеографы начала XVIII ст. // *ЛЗАК* за 1918 г. Пг., 1923. Вып. 31. С. 1–66.

²⁴ Дата его смерти указывается на полях некоторых из списков “Жития” Андрея Денисова (Друж — 659, л. 55 об. — 56; Увар — 344, л. 71). Биографические данные о Матфее Епифановиче Позднякове сообщает посвященное ему надгробное слово (Барс — 512, л. 1–15). В единственном обнаруженном нами списке слова 1820-х гг. в конце рукописи (после текста слова) сделана приписка, сообщающая о видении молящегося Андрея Денисова, в которой пересказываются сведения “Жития” Андрея Денисова, но источник указывается другой: “История Выгорецкаго общежительства о сем пишет” (Барс — 512, л. 16).

²⁵ Память Василию Анкирскому, пресвитеру, священномученику, празднуется 22 марта. Из Анкирских пресвитеров прославляется церковью также Евстохий (23 июня).

²⁶ Это могло быть в период 1700–1705 гг. Овдовевшая в 1696 г. царица с дочерьми жила в Измаловском дворце. Как можно судить по тексту “Жития”, Анна Ивановна (родилась в 1693 г.) тоже слушала чтение и помнила это, следовательно, она не была уже малолетним ребенком. В 1706 г. Петр I выразил желание о переезде семьи брата в Петербург, куда весной 1708 г. и выехало все семейство (См.: Семевский М. Царица Прасковья. М., 1989. С. 36). В “Житии” говорится, что в благодарность Прасковья Федоровна хотела пожертвовать хлеб из своих хранилищ, но Андрей Денисов отказался, сославшись на дальность пути и дороговизну перевозки, тогда царица, стесненная в денежных средствах, дала только сто рублей, что, как потом сказали выговскому киновируху московские старообрядцы, было значительно меньше суммы, которую можно было выручить от перепродажи хлеба. Трудно представить, чтобы такой случай произошел после 1705 г., когда на Выгу наступил голод и общежители в поисках хлеба ездили по всей России.

²⁷ Вставка сделана другим почерком, современным рукописи, однако точно атрибутировать этот почерк пока не представляется возможным. Все другие списки “Жития” в данном месте содержат пропуск.

²⁸ Семевский М. Царица Прасковья. С. 189.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ Зеньковский С. Русское старообрядчество. М., 1995. С. 274, 280, 385, 428; Есипов. II. С. 212.

³¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 52, 281.

³² Там же. С. 81 (“Книга бесед” протопопа Аввакума); Зеньковский С. Русское старообрядчество. С. 328.

³³ Выговский писатель не говорит точно, у кого именно из Салтыковых служил Исая, но сообщает, что он утвердил своего господина в древнем благочестии: “Пришедшу иногда боярину к самодержу, узрен бысть от прочих и от самого державнаго, яко двема престому крестится” (ВР, л. 35 об.). На вопрос царя Салтыков ответил, что научен Исайей, тот был схвачен, затем казнен. О судьбе самого Салтыкова ничего не говорится. Он назван “сигклитиком”, т.е. членом высшего правительства. М.Семевский относит эти сведения к Федору Михайловичу Салтыкову (Семевский М. Царица Прасковья. С. 32).

³⁴ Там же. С. 31–32.

³⁵ Датиева Н. Государев двор на Измайловском острове // Царские и императорские дворцы: Старая Москва. М., 1997. С. 92.

³⁶ РГАДА. Ф. 282, оп. 1, ч. 1, д. 1031. 1702 г. Л. 666. Искренне благодарю Н.С.Датиеву, любезно указавшую мне на этот документ, обнаруженный В.В.Зубаревым.

³⁷ Датиева Н. Государев двор на Измайловском острове. С. 92–93.

³⁸ Показательно, что в некоторых списках “Жития” 17-я глава оказывается опущенной (Барс — 156; Друж — 53; ОЛДП. Q.60; Увар — 817, Погод — 1276; Увар — 1062).

³⁹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, д. 2373. Л. 16 об.

⁴⁰ Там же. Д. 2422. Л. 6 об.

⁴¹ Юхименко Е.М. Неизвестный выговский писатель Василий Данилов Шапошников и “Сказание о преставлении Симеона Дионисиевича” // ТОДРА, СПб., 1993. Т. XLVI. С. 441.

⁴² РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 964. Л. 235 об.

⁴³ Такая практика работы агиографа была глубоко традиционной. См., например: Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XII-XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973; Крушельницкая Е.В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб., 1996. Известен также факт использования надгробного слова как источника при составлении официального "Жития" Иосифа Волоцкого. См.: Дмитриева Р.П. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 5.

⁴⁴ Традиционный для древнерусского агиографа прием использования первоначальных черновых записок существовал и в выговской литературе: так создавался Кирилло-Епифаниевский цикл (см.: Понырко Н.В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл... С. 163, 168), так писался "Виноград Российский" (см.: Юхименко Е.М. Вновь найденные письма Семена Денисова // ТОДРА. Л., 1990. Т. XLIV. С. 416-417).

⁴⁵ РНБ. Q.I.1064 (бумага с белой датой "1838"), Друж — 985 (42) и Барс — 64 (середины XIX в.).

⁴⁶ Друж — 647 (689), л. 308-407 об. (первой четверти XIX в.).

⁴⁷ См.: Понырко Н.В., Бударягин В.П. Автографы выговских писателей // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 174-200.

⁴⁸ Это послания, указанные В.Г. Дружининым: Дружинин В.Г. Писания... С. 152, № 89; С. 153, № 90.

⁴⁹ Там же. С. 148, № 58; С. 150, № 66.

⁵⁰ Последнее сочинение носит название: "Диспутательная при аргументах вопросозадания любомудраго книгочитателя.. Леонтия Федосеевича о кресте и о римской церкви.. заданная премудрому господину Симеону Денисьевичу... на который от него... ответорешение учинено" (Дружинин В.Г. Писания... С. 139, № 10).

⁵¹ По приведенной в "Житии" "феме" слово идентифицируется с указанным у Дружинина: Дружинин В.Г. Писания... С. 138, № 8.

⁵² Первое из названных сочинений соотносится с указанным Дружининым "Изъявлением, что ради сомняемся о новодействуемом ныне в России крещении..." (Дружинин В.Г. Писания... С. 133, № 1. "Пять показаний; написано вскоре после 1724).

⁵³ Трифон Петров отсутствовал на Выгу с 1737 по 1745 г. См.: Юхименко Е.М. Вновь найденные письма... С. 413; Гурьянова Н.С. Дополнение... С. 226.

⁵⁴ Демкова Н.С., Ярошенко Л.В. Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. "История пострадавших отец Филиппа и Терентия" // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 174-191.

⁵⁵ См.: Гурьянова Н.С. "История Выговской старообрядческой пустыни" И.Филиппова (к истории создания текста) // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 189.

⁵⁶ "Послание Тимофея А[ндрееви]ча, писанное к городу Архангелску Андрею И[ванови]чу Крылову со братиею". 15 июня 1790 г. (Барс — 734. Л. 411–417. У Дружинина указано со ссылкой на П.Любопытного: Дружинин В.Г. Писания... С. 53, № 19).

⁵⁷ Комиссией Квашнина-Самарина в числе заложников были взяты в Шунгу Иван Филиппов, Мануил Петров, Даниил Матвеев, Федор Семенов, Иван Иванов Мыльников, Сава Ларионов, Максим Игнатьев, Иван Герасимов Чорной, Иван Семенов Зеленой, Яков Матвеев Кокин с дочерью и сестрой, Федор Ларионов с сестрой, Ирина Онисимова и Марья Леванидова (Есипов. I. С. 549–552).

⁵⁸ Дружинин В.Г. Писания... С. 177.

⁵⁹ Большая часть чудес данной подборки вошла в указатель В.Г. Дружинина по отдельности. См.: Там же. С. 179–180, 163, 231, 36, 292. Однако оба указанных исследователем списка являются подборкой из 10 чудес: Друж — 486 (516). Л. 49–63 об.; Друж — 113 (144), л. 54 об. — 60 об.

⁶⁰ Филигрань: антеры ВФ, СТ в волнистом и прямом прямоугольнике — См.: Клепиков. I. № 151 (1765–1776).

⁶¹ См.: Дружинин В.Г. Писания... С. 52, № 9.

⁶² Любопытный П. Исторический словарь... С. 85.

⁶³ Понырко Н.В., Бударгин В.П. Автографы выговских писателей. С. 197–198.

⁶⁴ Дружинин В.Г. Писания... С. 52, № 16 (ссылка на П.Любопытного). Нам удалось обнаружить это сочинение в одном из сборников (Барс — 497, л. 184–188. "Немецкое платье не носить").

⁶⁵ Дружинин В.Г. Писания... С. 50–53.

⁶⁶ Гурьянова Н.С. "Житие" Ивана Филиппова // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 227–253; Она же. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1997. С. 160–172.

⁶⁷ Там же. С. 160.

⁶⁸ Курилов А.С. Жанр жития и русская филология XVIII в. // Литературный сборник XVII века: Пролог. М., 1978. С. 148–154.